

Сергей Лукьяненко

Фальшивые зеркала

Часть сборника
Глубина (сборник)

Сергей Васильевич Лукьяненко

Фальшивые зеркала

Серия «Диптаун», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119458

*Глубина. [Лабиринт отражений; Фальшивые зеркала; Прозрачные
витражи : фантастические романы] / Сергей Лукьяненко: АСТ;*

Москва; 2014

Аннотация

В виртуальном мире возможно все – невозможно только умереть. Так было раньше – теперь не так. Где-то в лабиринтах Глубины объявился таинственный Некто, обладающий умением убивать по-настоящему. Но смерть людей в Глубине – это смерть и самой Глубины.

И тогда на улицы Диптауна выходят дайверы...

Содержание

Часть первая	4
00	4
01	7
10	21
11	37
100	66
101	95
110	121
111	148
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Сергей Лукьяненко

Фальшивые зеркала

*Отражения, кривляясь,
Вырываются на волю,
Хладнокровно улыбаясь
Или плача, но без боли...
Зеркала следят за нами,
Научившись даже слушать,
Быть и мыслями, и снами,
Искажая наши души.
Тонут в зеркале желанья,
Замедляются движенья...
Нас отдали на закланье,
Нас поймали отраженья...*

Rain

Часть первая

Диптаун

00

Мне все чаще и чаще снится этот сон.
Вначале в нем нет ничего страшного, вообще ничего нет.

Серая клубящаяся мгла. Только впереди – далекий, почти неразличимый огонек, белая искорка в тумане. Я иду – иду на свет, но мгла вдруг начинает редеть.

Как странно – когда исчезает темнота, перестаешь видеть свет!

Я застываю, пытаюсь запомнить направление, удержать его в памяти. Но в этом уже нет нужды. Передо мной – мост. Тонкий, словно струна, натянутая над пропастью. Я ходил по таким мостам. Не раз. Но сейчас все гораздо труднее. Мне надо пройти между двумя стенами, вырастающими из тумана. Левая стена – синий лед, правая – алый огонь. Нить между ними.

Я иду.

Левая стена – в отпечатках ладоней. Иногда это просто отпечатки, с ключьями кожи и мяса, поросшими инеем. Иногда торчат осколки замороженных костей с обрывками одежды. А иногда – распятые на льду фигуры, покрытые снежной коростой.

С правой стеной – проще. Она сжигает быстро и дотла. Может быть, потому ее предпочитают реже.

Я иду.

Нить под ногами вибрирует. Может быть, ее опалает огнем. Может быть, обдаёт стужей. А может быть, кто-то идет впереди или за мной.

Мне надо дойти. Очень надо.

Вот только каждый раз сон заканчивается одинаково.

Нить вздрагивает. Может быть, я сам качнул ее слишком сильно, не знаю...

И как падающий канатоходец я раскидываю руки, пытаюсь удержать равновесие, цепляясь: за левую стену – синий лед, за правую стену – алый огонь...

Давненько я не опаздывал на работу!

Стою в пробке, вытянувшейся на полквартала. Рядом – длинный, неуклюжий автомобиль, кажется, «линкольн» последней модели. Стекла опущены, мрачный водитель косится на меня, будто именно мой мотоцикл повинен в творящемся на улицах безобразии.

– Огонек будет? – спрашивает он наконец. Наверное, ему просто скучно. Да и не поверю никогда, что в этом роскошном монстре вишневого цвета нет прикуривателя. Там, пожалуй, и для газовой плиты с грилем место найдется...

Молча протягиваю зажигалку. Усыпанная перстнями рука тянется к огоньку, раскуривается дорогая тонкая сигарета с фильтром невероятной длины. Что сказал бы дедушка Фрейд о тяге к большим автомобилям и длинным сигаретам? А... ну его. Он бы у нас спятил, причем очень быстро.

– Что творится-то? – интересуется водитель.

Слишком приземистый лимузин, ему не видно. Отвечаю:

– Колонна идет. Грузовики.

У кого-нибудь другого эти слова вызвали бы вполне заслуженную реакцию. Гнать по центру города грузы! Да еще по русскому кварталу, в утренний час пик по московскому времени!

– Что ж, бывает, – легко соглашается водитель. – Надо.

Значит, предполагаемый «линкольн» не просто показуха. Его владелец никуда не спешит, и пробка в пять-десять минут – не повод для возмущения.

А мне – повод! Еще какой!

Опоздание в пять минут могут и не заметить. Десять минут – отметка в личное дело. Четверть часа – половина дневной зарплаты долой.

Я уже на четыре минуты опаздываю!

Полоса забита полностью, но стандартный мотоцикл не машина, собранная по спецзаказу. А моя тускло-стальная куртка, серые джинсы, лицо под зеркальным шлемом... да, конечно, это не яркая, примечательная внешность, не одежда от кутюр, но...

В непримечательности есть свои преимущества.

Газую, двигатель взрывается. Хозяин «линкольна» с живейшим интересом смотрит на меня, интересуется:

– Что, собрался...

Я не дослушиваю.

Оставляя на асфальте след горелой резины, «хонда» несется между машинами.

– Давай! – кричат вслед.

Наблюдение за чужими глупостями – вечное бесплатное удовольствие.

Перекрывшие движение грузовики ползут по перпендикулярной улице медленно, лениво. Обычные «КамАЗы», но с надписями на тентах: «2Т». Понятно, крупная фирма по-

лучила срочный заказ и предпочла заплатить за ненормативный трафик, чем терпеть неустойку из-за поздней доставки. Расстояние между машинами метра полтора, идут они аккуратно, след в след...

Может быть, и проскочу.

Я вижу отблески полуденного солнца на стеклах грузовиков, лица водителей, черные выхлопы дизельных движков. Шанс вписаться между двумя «КамАЗами» – минимальный.

Глубина-глубина, а пошла ты...

Миг перехода из виртуального пространства в обычное всегда забавен. Но сейчас различия минимальны – я был в мотоциклетном шлеме, а остался в виртуальном; сидел в седле – оказался в кресле, но на корточках.

Вот только город вокруг перестал быть реальным. Все огрубело, потеряло детали, небо приобрело равномерную голубизну с легкими облачками (раз в сутки они выстраиваются в надпись «Вспомните, кто придумал и оплатил для вас это небо!»), машины утратили царапины, пятна грязи, наклейки – все то, что додумывало воображение.

Колонна грузовиков с логотипами «2Т» осталась.

Проскочу!

В наушниках звучали чьи-то голоса, кто-то махал рукой из машины, пытаюсь предостеречь меня. Покачивая джойстиком, я впихнул мотоцикл между «КамАЗами». Легкий толчок – наверное, бампер успел зацепить заднее колесо. Не страшно.

В виртуальности я мог бы и упасть, не удержать равновесия. Сейчас мне хватило одного движения джойстиком, чтобы выправить мотоцикл.

Я остановился за перекрестком. Посмотрел назад. Пальцы сами скользнули по клавиатуре.

deer

Ввод.

Миг я еще видел экраны перед глазами, подкладку шлема. Потом пробежавшая по экранам радужная волна смыла реальность.

Дип-программа работает быстро.

Я стою на перекрестке проспекта Гибсона и улицы А. Черткова в русском квартале Диптауна. Сквозь просветы в колонне грузовиков, ползущих по Черткова в сторону клуба «Вайт Биэр ББС», видны мои недавние коллеги по пробке. Многие свистят, аплодируют и прочим образом выражают свой восторг.

И на душе у меня – замечательно.

Как и должно быть у человека, забившего гвоздик любимым микроскопом.

Снова газую и уношусь по проспекту. Есть шанс не опоздать на работу.

Интересно, кто такой этот Гибсон...

К раздевалке я подкатываю с опозданием в семь минут. Плохо, но не фатально.

– Леонид... – укоризненно говорит охранник на входе. Развожу руками, пытаюсь зеркальным шлемом отобразить всю гамму эмоций. Раскаяние, вина, стыд, заискивание... – Давай быстрее.

Заскакиваю в длинный коридор. Под потолками уныло покачиваются матовые шары ламп, напоминающие полузабытые школьные коридоры. Вдоль стен – шкафчики. Почти над всеми горят красные огоньки, лишь два или три – зеленые. Ну вот, явился в числе последних...

– Привет, – бросает мне Илья.

Он тоже опоздал. Возится у соседнего шкафчика, отпирая замок.

– С утра сегодня? – спрашиваю я, быстро набирая код – трудно запоминаемое простаками слово «gfhjkm».

– Я на чуть-чуть, у меня со вчера «хвост» остался. – Илья мрачно смотрит внутрь шкафа. Ему лет тридцать, он коротко стрижен, в меру мускулист и подтянут. Лицо нестандартное. Работа хорошего имидж-дизайнера, вряд ли собственная. – Вдруг успею с утра...

Он наконец сует руку в шкафчик и вытягивает оттуда обмякшее тело. Тощее и маленькое, принадлежащее мальчишке лет двенадцати.

– Смелее, он тебя не укусит! – подбадриваю я.

Мальчик дергается, как от гальванического удара, поворачивается ко мне. В одной руке он держит мужчину, извлекшего его из шкафа, – теперь у того тело сдутое и невесомое,

а глаза пустые, без проблеска мысли.

– Твою мать... – с чувством выдыхает мальчик тонким голосом. – Тебе хорошо острить!

– Думаешь? – заглядывая в собственный шкафчик, спрашиваю я.

– Да! – Мальчик начинает пинками утрамбовывать импозантного мужика в шкаф. Тело гнется, словно восковое. Под нелепым углом торчит нога в лакированном ботинке, галстук выбивается из пиджака. – Как! Меня! Достало!

– Давай меняться? – предлагаю я. – Ты потаскаешь посылки, а я разнесу телеграммы.

Мое сменное тело тоже ничего не весит. Это мужчина. Ему лет двадцать. На нем спецовка. Он мускулист. Лицо добродушно-идиотское.

Строитель коммунизма с плаката двадцатилетней давности. И не поверишь, что рисовали в США.

Я ведь не стал моделировать или заказывать персональное тело. Обошелся стандартной личностью – «рабочий». Заглядываю ему в пустые глаза, прижимаюсь лбом ко лбу...

И начинаю впихивать бывшего мотоциклиста в шкаф, с не меньшим ожесточением, чем недавно Илья.

– Слушай, – мальчик тарабанит по кнопкам, закрывая шкаф, – а что у тебя все тела такие одинаковые?

Его новая личность тоже штучная и не менее хорошей работы. Симпатичный рыжеволосый мальчишка, удачные глаза и почти постоянная полуулыбка.

– Дорого стоит персональный дизайн, – отсекая разговор.

– Брось. – Илья машет рукой. – Ничего он не стоит, сел да сам нарисовал!

– У меня совершенно нет способностей художника.

Я тоже утрамбовал свое прежнее тело и запер шкаф. Непонятно лишь зачем. Ведь этот облик и впрямь не стоит ничего. Он входит в стандартные двадцать из поставки «Виндоус-Хоум» – «дружелюбный рабочий».

Как будто где-то в Диптауне могут понадобиться недружелюбные...

– Давай я тебе нарисую? – внезапно загорается Илья. – Раз плюнуть. Будешь все-таки получше выглядеть, обещаю.

– Давай как-нибудь, – говорю я. Кажется, этот разговор у нас уже был. И его предложение, и моя ответная готовность – чистая фикция. Обмен ничего не значащими любезностями.

– Ну пока. – Илья машет рукой и убегает. Уже совершенно по-детски. Хорошая модуляция движений образа...

У меня – хуже. Иду неуклюжей походкой дрессированной гориллы. На выходе – окошко раздачи заказов. Илья уже схватил свой пакет и убежал. Мальчикам-письмоношам положен велосипед.

Мне – хуже. Грузчикам выдают мотороллеры.

Но вначале – заказы.

В окошечке скучает Таня. Славная девушка, если это и впрямь девушка.

– Опаздываешь, – замечает она. Беззлобно, ее это в об-

щем-то не касается. – Есть два заказа. Кто там в раздевалке остался?

– Да вроде бы никого.

– Возьмешь оба?

– А что там?

– Пианино и рояль.

Шутит скорее всего...

– Давай, лишняя копейка не помешает.

– Угу, – одобрительно бормочет Таня. Протягивает мне листки, я расписываюсь, отхожу. Заглядываю в первый заказ – «пианино». Во второй – «рояль».

Оборачиваться сил нет. Почти наверняка Татьяна смеется.

Что может быть нелепее профессии грузчика в виртуальном мире? Нет, вы скажите, что может быть более не нужно в мире электронных импульсов, где нет на самом-то деле ни расстояний, ни тяжестей?

– Леонид! – окликает меня сзади Таня. – Звонил Игорь, он задерживается чуть. Вдвоем ведь справитесь?

А что может быть нелепее нарисованной квартиры, в которую покупают нарисованный рояль? Точнее, музыкальную программу, имитирующую звуки рояля и имеющую его облик?

Весь фокус – в подсознании. Если ты знаешь, что тебе не поднять рояль в реальном мире, то не взвалишь на плечи и его нарисованный образ. Если рояль доставят в виде резино-

вой игрушки и надувают посреди комнаты – ты не поверишь в его чистое и настоящее звучание.

Надо, чтобы на твоих глазах крепкие ребята в спецовках тащили, чертыхаясь и обливаясь потом, груз по лестнице... Как ни прост облик «дружелюбного рабочего», но имитация потоотделения у него есть.

И тут меня охватывает злость. Привычная, частая гостья. Не обращая больше внимания на извиняющийся голос Тани, я иду к стоянке, хватаю свой мотороллер, бросаю взгляд на симпатичное приземистое здание с эмблемой «HLD» на вывеске. «„HLD“ – У вас не будет проблем!», «„HLD“ – Доставка в срок и везде!», «„HLD“ – Ваш груз не заморозят!»

Будем следовать рекламным слоганам!

Под веселое тарыхтение мотороллера я выруливаю обратно на Гибсона и неторопливо, в четвертом ряду, еду по первому из адресов.

Теперь, когда я на работе, расстояния сразу становятся короче. В нашей маленькой стране, в нашем славном Диптауне, все дифференцировано. Даже солнце встает по-разному – когда служащие делают перерыв на ленч, для их босса еще только близится рассвет. Проскакиваю третью улицу Дип-дизайнеров, первый тупик Оф-Лайна. Вот и указанный в заказе адрес.

Хороший особнячок.

Прелестный сад вокруг. Увитые диким виноградом каменные стены. В чаше фонтана – скульптура: обнаженный

юноша держит в руках змею, изо рта змеи бьет в небо струя. Боже... что за аллегория? Приглядываюсь, читаю надпись под статуей: «Укрошенная Глубина».

Становится тоскливо.

Отказался бы от заказа... пусть сами прут несуществующий рояль в несуществующую виллу. Но в Диптауне слишком много безработных, чтобы можно было выпендриваться.

– Сударь!

Девушка спускается по ступенькам с веранды. Игриво покачивает бедрами, улыбается. На ней самый минимум одежды, внешность моделирована в стиле «манга» – слишком большие глаза, пропорции фигуры от девочки-подростка.

– Сударь, вы грузчик?

– Да, сударыня, – мрачно говорю я.

– Вы приехали носить рояль?

«Носить»... Умница.

– Да.

– Знаете, а его не привезли... – никакой печали в ее голосе нет. – Говорят, много заказов. Вы сможете приехать завтра?

– Подавайте заявку, сударыня. Кто-нибудь да приедет. Но я...

– Извините, извините пожалуйста! – Девочка – само очарование. – Мне так неудобно! Это все муж, он вечно занят, это его вина... Но он попросил заплатить вам за беспокойство!

Молча подаю заявку.

Девушка не глядя подписывается, оплачивая полную стоимость погрузочно-разгрузочных работ. Думает, морща лобик. Потом достает из кармана банкноту.

– Спасибо, – опускаю деньги в карман для чаевых, заботливо предусмотренный на спецовке. Через миг денег там уже нет. Половина ушла на счет компании, половина – на мой. Как и положено в серьезной фирме средней руки.

– Может быть, выпьете кофе? – взгляд ее в меру интригующий, в меру скромный.

Смотрю на часы. Вздыхаю:

– Не знаю... так много заказов на сегодня...

– Знаете, а мне надо еще передвинуть в спальне трельяж! – вспоминает девушка. – Вы не поможете? Мы бы сразу оформили новый заказ.

Все с ней ясно.

Неопытная искательница приключений. А муж, вероятно, умный человек.

Как и я.

– Ваше желание – наше исполнение, – позволяю себе капельку двусмысленности.

Передвинуть трельяж занимает не больше времени, чем заполнить бланк заказа. Потом мы пьем кофе с ликером. Я улыбаюсь, меня крайне занимает развязка. Куколка хлопает большими глазами, потихоньку придвигается ближе. Наконец, она оказывается на моих коленях, мы долго и с удовольствием целуемся. Я бдительно слежу за продвижением

ее шаловливой ручки.

– А... а? – произносит девушка. Голос уже подрагивает, но к возбуждению примешивается недоумение. Глаза все более и более округляются, посрамляя даже стандарты японских комиксов. Увы, *хентай* не будет...

– Сударыня, я ведь служащий серьезной фирмы, – объясняю я. – Это тело – только для физической работы. Для развлечений оно не приспособлено. Неужели вы не знали?

– Гад!

Впору смеяться, но я сижу с каменным лицом. Поднимаюсь с диванчика, одновременно ссаживая с колен хозяйку и застегивая спецовку.

– Сударыня, если что-то в моем поведении не удовлетворило вас, вы можете обратиться к руководству с официальными предложениями. Я тоже думаю, что небольшая доработка не помешает...

– Пошел вон, быдло!

Мне не обидно. Мне смешно. А выйдя из дома и оседлав мотороллер, я даже могу позволить себе расхохотаться.

Эта функция организма «дружелюбному рабочему» разрешена.

Но я не смеюсь.

В Диптауне – вечер. Как только я закончил работу, так и наступил вечер – это мне нравится. Конечно, например, вон для того бедолаги, спешащего по улице с портфелем, раннее

утро. А для кого-то шумный, яркий, праздничный вечер царит всегда.

Ну и пусть. Мне не жалко.

В офисе «HLD» заступает на работу вторая смена. Над соседним шкафчиком горит красный огонек – Илья то ли еще не пришел, то ли уже ушел на работу. Кое-где переодеваются сотрудники, но их я почти не знаю, так – «привет-привет»...

А день был неплох. Три заказа, причем два в общем-то ни за что. Да еще и забавное недоразумение... неужели кто-то не знает, что пролетарские тела из комплекта «Виндоус-Хом» – бесполы, как подобает мулам и рабочим пчелам?

Насвистывая веселенький мотивчик, вытягиваю из шкафчика тело мотоциклиста. Он вполне полноценный мужчина, одна беда, настолько стандартен, что любовные приключения ему не светят. Впрочем, он мне дорог не этим. Чем проще тело, чем непритязательнее, тем легче ему проскальзывать по перегруженным серверам. Кое-кто упрямо не желает этого понять, обвешивается побрякушками, рисует сложные, индивидуальные черты лица... Что ж, каждому свое.

Лоб в лоб... Гляжу в зеркальный шлем, жду, пока отрабатывает программа. И запикиваю «дружелюбного рабочего» в шкаф. Отдохни до завтра, дорогой!

Я тоже отдохну...

В диспетчерской все еще дежурит Таня. При виде меня смущенно улыбается, и я подхожу к окошку.

– Леня, ты уж извини...

– Да ничего, больше заработать смог.

– Так ты серьезно... занес пианино в одиночку?

– Да.

Она смотрит на меня в полной растерянности. Вздыхаю:

– Таня, думаешь, я просто так в грузчики пошел? Я ведь семь лет в мебельном магазине отработал! Всякое доводилось делать. И тащить пианино одному – не впервые. Чао!

Ну вот... теперь девчонка станет гадать, насколько широки мои реальные плечи...

Меняю мотороллер на мотоцикл, размышляя о том, что легенда шита белыми нитками. Придется уходить из «HLD». Жалеть особо не о чем, но... но как же мне это надое-ло! Нелепый труд, безумные фирмы. Виртуальный садовник, расклейщик объявлений, маляр, грузчик...

Только на что еще рассчитывать?

Если во мне нет ничего, совсем ничего, что нужно этому яркому, праздничному, щедрому миру вокруг?

Последнее время я предпочитаю напиваться в *глубине*. Как и все виртуальщики, впрочем. Во-первых, для здоровья полезнее. Похмелье может случиться, организм его придумает, но хоть печень не пострадает. А во-вторых, и это главенствует, в виртуальности пить куда дешевле. Никто не станет платить за нарисованное спиртное ту же цену, что и за реальное. Бутылка «Бейлиса» тут стоит полдоллара, отличный шотландский скотч – восемьдесят центов. Русская водка – почти доллар, но водки я и в реальности могу выпить...

Есть, конечно, и подпольные кабаки, где все еще дешевле. Там могут продать коллекционное бургундское пятидесятилетней выдержки за пару баксов. Не пойму лишь зачем. Те, кто знает вкус такого вина, по дну жизни не ползают. А мне его пить бесполезно, все равно не отличу от молдавского каберне.

Так что я иду в честный, законный кабак – «Царь-рыба». Он славен тремя вещами: наличием общедоступных и понятных русскому человеку напитков, хорошей рыбной кухней и живой музыкой. Иностранцы здесь попадаются редко – и это особенно приятно. Разве что отдельные, пожившие в России, – вот они могут оценить ощущения от ухи с дымком, пива «Очаковское специальное» и старого рока.

Я не знаю, как кому. Мне больше всего нравятся именно

такие места – и в реальной жизни, и в *глубине*. Не огромные и шумные рестораны, не популярные и дорогие заведения, куда толпой валят туристы, а что-то маленькое, неприметное, неяркое. Это правда для любого города мира... ну, пожалуй, кроме Москвы. В Праге есть «У Флеку» и «Черный вол», в Берлине – «Цитадель» и «Цур Летцен Инстанц», в Париже – «Максим» и «Ля Пти Вартэль». Выбирай, что тебе нужно, «шашечки или ехать»...

«Царь-рыба» притаилась на площади Свободы. Такие есть почти в каждом квартале Диптауна, вот только в американском или французском они отданы на откуп увеселительным заведениям сомнительного толка, а в нашем – сплошь занята офисами. Что ж, каждой культуре – свое.

Вывеска – неяркая, нарочито примитивная. В эту примитивность вложено куда больше сил и таланта, чем в яркие рекламные огни над дорогими ресторанами. Лубочный рисунок, на котором карикатурные бурлаки тянут из реки чудовищных размеров осетра, небрежно написанное название...

Толкаю дверь, вхожу. Места есть, это уже радует. Последнее время «Царь-рыба» обретает все большую популярность, и я боюсь, что скоро перестану здесь появляться. Либо кабак расширится, превратится в известный ресторан, либо придется заказывать столик заранее и терпеть шумные и чуждые компании.

Но пока еще это место, куда я стараюсь прийти.

Выбираю столик у двери на кухню. Официантка незнако-

мая, но подходит сразу. Бросаю быстрый взгляд на меню.
– Сегодня запеченная в фольге форель – великолепна! – говорит девушка.

Эх. Форель в фольге я ел... давно, правда. Но она мне не понравилась. Значит, не оценю и сейчас.

– Фаршированную щуку, – решаю я.

Этого блюда я никогда не ел. Но наверняка оно будет выглядеть красиво, а фантазия додумает вкус.

– Ущицу... – продолжаю я, скользя взглядом по меню. – И графинчик водочки... самой обычной, пшеничной. Хлеба черного.

– Все?

– Томатный сок...

Запивать водку – вульгарно. Но сейчас я хочу именно вульгарности.

Остаюсь ждать заказа. Конечно, все могут подать мгновенно, но зачем портить иллюзию? Сажу, оглядывая зал. Некоторые лица уже примелькались. Другие – незнакомы. На сцене – одинокий гитарист, то ли группа еще не собралась, то ли он просто предпочитает выступать один. Вслушиваюсь в негромкий голос...

Этот метод прост:

Весь квартал под холст.

Он не художник, нет, он – эхо века,

Эхо нас... И это веха!

Как бензиновая радуга на лике реки
На черном асфальте цветные мелки,
Это мы. Ты видишь, это – ты и я.

Он наград не ждал,
Он не ждал похвал,
Он делал то, чего не мог не делать,
Раб и Бог цветного мела.

Как бензиновая радуга на лике реки
На черном асфальте цветные мелки,
Это мы. Портрет до первого дождя.

Да, есть дождь и снег,
Да, не вечен век,
Но не спеши кричать «ату» со смехом;
Мы живем в эпоху эха.

Как бензиновая радуга на лике реки
На черном асфальте цветные мелки,
Это мы. Портрет, как феникс из огня.

Певец опускает гитару. Смотрит на зал. Никто его толком и не слушал, народ увлечен процессом питания. На мгновение наши взгляды встречаются, и у меня возникает странное ощущение, что песня была предназначена именно для меня. Так обычно и бывает с хорошими песнями. Певец встает и уходит, странно, за гриф, держа гитару. Так

не берут инструмент, но жест почему-то кажется абсолютно естественным.

Черт, почаше надо заходить. «Мы живем в эпоху эха...»
– Можно?

Оборачиваюсь. Ага...

В Диптауне редко встретишь старика. Все хотят быть молодыми и красивыми, если не в жизни, так хоть в сладостном сне. Решиться на такой облик – это поступок.

– Садись, Ежик, – приглашаю я.

Ежик – прозвище местного завсегдатая. Я довольно долго считал его программой, пока не поговорил сам. Как ни странно, но человек, проводящий в *глубине* большую часть суток, – вполне настоящий. Ему лет шестьдесят, он седой, морщинистый, полноватый. Лицо обрюзгшее, но чисто выбритое. Короткая, седенькая, военная прическа, за которую он и заслужил прозвище. Чуть опустившийся, но в меру приличия. Одет старомодно, но аккуратно. В общем – неприязни не вызывает, скорее – интерес.

– Слышал про взлом? – интересуется Ежик, присаживаясь. Косится на официантку, уже несущую водку и сок.

– Еще рюмку, – прошу я, хотя и вижу, что на подносе две рюмки. Скорее всего Ежик сидит в «Царь-рыбе» не по собственной инициативе, он наемный работник. Как в публичных домах девочки разогревают посетителей на дорогую выпивку, так и в кабачке Ежик раскручивает посетителей на пьянство. Такая работа.

– Благодарю, – не теряя достоинства, кивает старик. Чуть дрожащей рукой наполняет рюмки. Мы чокаемся, выпиваем. Ежик крикает, но не закусывает, занюхивает рукавом. Что-то новенькое.

– Так что за взлом? – любопытствую я, когда приличия соблюдены. Достая пачку сигарет, протягиваю ему.

– Есть такая фирма... э... «New boundaries»...

– Да, слышал, – вспоминаю я. – Они софтом занимаются?

Ежик хихикает:

– Нет... всякой чепухой. Вроде новых эргономичных клавиатур, дизайна шлемов, особых кресел, на которых геморрой не заработаешь... Прикладные товары.

– Угу... – неопределенно бормочу я. Свою выпивку старик должен отработать любопытной историей, но пока она не тянет даже на сигарету.

– Мне уже уходить, – вздыхает Ежик. – Эх... был бы лиш-ний бакс, время продлить...

Ничего себе! Смотрю ему в глаза. Что же, новости столь любопытные, что требуется оплатить его время в *глубине*? Доллар – не деньги, но все-таки!

Секунд десять мы играем в гляделки. Потом Ежик начинает вставать, и я сдаюсь, беру его за руку.

– Посиди. Я сегодня при деньгах.

– Благодарю. – Старик ухитряется так ловко усесться обратно, что и не понять – хотел он уйти или просто поерзал на стуле. – Так я говорю – фирма... небольшая... Вроде по

контрактам с крупными работает... с самыми монстрами...

Мне приносят уху. Запах божественный. Кормить Ежика я не собираюсь, да он и не настаивает. Начинаю есть, демонстрируя, что пока ничего занятного не услышал.

– Так вот, ломанули их вчера, – сообщает Ежик.

Странно...

– Вчера?

Виртуальность живет в быстром темпе. Вчерашняя новость – уже не новость.

– Ага. – Ежик понимает, что я оценил маленькую деталь. – Ну... грабителя взяли сразу...

У меня чуть-чуть сдавливает сердце.

«Грабителя взяли сразу»...

Два года назад любой задал бы вопрос: «Дайвер ломал или хакер?»

Потому что в этом было принципиальное отличие. И между способами защиты, и между методами работы.

Было отличие... теперь никто вопроса не задаст.

Потому что дайверов больше нет.

– Пришили его, голубчика, – вздыхает Ежик. – Охрана-то была серьезная, не от «New boundaries», а от тех, чей заказ выполнялся...

– Каждый час в *глубине* что-нибудь ломают, – дохлебывая гущу, отвечаю я. И впрямь хороша ушица! Точно такую мы ели на Волге, ночью, у костра... – Каждую минуту ломают. Когда уйдет вор, а когда и нет. Чему удивляться?

– Нашли его и в реальности, – сообщает Ежик.

– Значит, на что-то серьезное замахнулся.

– Ага. Вот только он и в реальности мертв был.

Пока я медленно поднимаю голову, опускаю ложку, вытираю губы салфеткой, старик успевает наполнить рюмки.

– Упокой, Господи, душу раба твоего Падлы, хакера небесталанного, грубого, но с добрым сердцем... – торопливо бормочет Ежик. Мы выпиваем, не чокаясь.

– *Падла?*

– Говорят, да. А как мирское имя – не спрашивал.

– И что полиция? – Прозвище мне ничего не говорит. Но сам факт... человек, убитый в *глубине*, умер по-настоящему!

– Говорят, случайность. Говорят, может, сердце слабое было, перенапрягся да и умер. Что тут удивительного?

Пожимаю плечами.

Всякое бывает.

Один, глядишь, заиграется в *глубине*, а инфаркт схватит в обычном мире. Другой в такой депресняк скатится, что снимет шлем да и наденет вместо него петельку.

Все бывает. Все.

– Жизнь, – соглашаюсь я. – Мрачная история, старик.

– Да уж... А еще, говорят, полиция до сих пор на ногах.

Вот это – совсем интересно.

Мне всякое доводилось пережить. И на меня охотились. И за мою голову награду объявляли. Все, завязал я, пусть молодежь играет.

Но если хакера взяли и в *глубине*, и в реальности, а охоту продолжают...

– Занятно, – говорю я. – Занятно. Спасибо, Ежик. Развлек!

– Стоит моя история паршивого доллара? – хитро спрашивает старик.

Конечно, в рассказанном им нет ничего секретного. Все это можно узнать и так... если искать информацию. Но все новости никогда не узнаешь, в этом и беда, и спасение. А Ежик зарабатывает тем, что приглядывается – кому и что надо рассказать. Девяноста процентам здесь сидящих история эта совсем неинтересна. Еще девяти из ста – выслушать и забыть.

А вот меня чем-то цепляет...

– Стоит, старик, – соглашаюсь я. Протягиваю ему долларовую бумажку.

Ежик ловко прячет ее в ладони и удаляется. Сейчас кому-нибудь другому будет рассказано... да не все ли равно что? Каждому найдется что-нибудь занятное. Ежик не алкоголик, а профессионал высшей пробы.

Тем нам и дорог, всем нам, от посетителей до владельца «Царь-рыбы».

Между тем мне уже несут шуку.

– И как она приготовлена? – взирая на немалых размеров рыбину, интересуюсь я.

– Наш шеф-повар, – официантка улыбается, – был горд

выполнить такой интересный заказ. Мясо щуки было про-
вернуто в фарш вместе с вымоченным в молоке батоном...

Все как положено. Раз я не пробовал блюда, то мне надо
объяснить, что именно я буду есть...

И в этот миг мир вокруг вздрагивает, будто при землетря-
сении, разламывается, окутывается темнотой.

Покушал, называется...

– Леня!

Я помотал головой, поморгал. Мир обретал краски мед-
ленно и неохотно.

– Леня, ты здесь?

Вика смотрела с легкой иронией. Снятый с меня вирту-
альный шлем она держала в руке, даже не выдернув из разъ-
ема, и в глубине его еще мельтешили какие-то картинки.

Первым делом я глянул на монитор. Надпись «ненорма-
тивный выход из *глубины*» меня не удивила. А вот время...

Пять часов вечера. Черт возьми, да я еще мог быть на ра-
боте!

– Вика, я не понимаю...

– Леня... – Она присела перед креслом. – Ты забыл? У нас
сегодня гости. В шесть часов. У нас. Гости. В реальном мире.

– Черт... – Я закусил губу. Да. Забыл. – Машина, выход!
«Завершение работы?»

Вика вздохнула, поднялась, пошла на кухню. Я стал стя-
гивать виртуальный комбинезон. Компьютер подождал еще

немного, прежде чем погасил экран и отключился.

Да... завершение работы. Когда-то он спросил бы меня голосом, так похожим на голос Вики: «Ты серьезно?»

Очень серьезно. Я стал таким серьезным, что даже самому противно.

– Что надо купить? – крикнул я.

– Вспоминай... – отозвалась с кухни Вика.

– Картошка, зелень, помидоры... огурцы...

– Угадал. А теперь попробуй вспомнить, что еще.

– Курицу? – брякнул я наугад.

– Я уже мясо размораживаю. Сделаю котлеты. Возьми растительного масла, а то кончилось почти. Ну... понятно, что еще.

– Ты водку будешь?

Иногда Вика может выпить и водки. Под настроение.

– Нет, наверное, – отозвалась она после секундного раздумья. – Возьми мне бутылку сухого вина. Или пива.

– Чего лучше?

– Все равно. И побыстрее, ладно?

Да, неплохо получилось. Вчера обсуждали, когда придут ребята, что я начну готовить, пока Вика будет на работе. Потом я надел шлем, *нырнул*.

И забыл о разговоре, начисто забыл.

На улице было холодно. Скверненько, мокро, неудобно. И температура еще плюсовая, и листья на деревьях остаются

зелеными, но пронизывающая осенняя сырость уже поселилась в воздухе. Стоит лишь выйти – накидывается, вползает под свитер, заставляет ежиться.

Вика меня без труда убедила, что по сравнению с гнилой питерской погодой в Москве – почти тропики. Я и сам невысокого мнения о климате северной столицы. Вот только золотой пушкинской осени что-то не наблюдал за два года после переезда.

Наверное, окончательно разладилась небесная канцелярия. Все лето дожди, всю осень зябкая гадость. Скорей бы уж зима.

«Как тебе русская зима? Та, что с травой, еще ничего, а вот когда со снегом...»

Помахивая пустым пакетом, я обогнул дом и нырнул в магазин. Так... картошка, помидоры... морковка... Или морковки не надо? Ладно, лишней не будет.

За овощами стояла маленькая очередь, нормальные люди как раз возвращались с работы. Я пристроился в хвост, за хорошенькой, хоть и очкастой девчонкой. Девчонка читала самоучитель по языку «Ада». Надо же. Может быть, и в *глубину* ходит. Подрабатывает грузчиком или почтальоном...

Знакомиться с девушками в реальном мире – нехорошо. Особенно при наличии любимой жены. Это в виртуальности романчики простительны.

А еще нелепо знакомиться в очереди за картошкой.
– Два лимона, – сказала девушка.

Я поймал себя на том, что изучаю ее с любопытством. С совершенно неуместным. И что мне нравится ее покупка. Она обязана была купить два ярко-желтых лимона, а не два кило грязненькой картошки и кочан капусты! Теперь можно представить ее, сидящей в кресле, обязательно под торшером, пьющую чай с лимоном и читающую... нет, уже не справочник, а какой-нибудь хороший роман. Серьезный, настоящий, а не беллетристику.

Или – как девушка нарезает лимон ломтиками, посыпает сахаром и кофе, разливает в крошечные рюмочки коньяк и ждет... кого-нибудь. Например – меня.

Размечтался...

– Слушаю?

Продавец посмотрел на меня. Забавный у нас в овощном продавец, типичный интеллигент, ушедший в советские времена в торговлю – и нашедший там себя.

– Два лимона, – мрачно сказал я.

Девочка все не отходила, распахивая лимоны по карманам куртки.

– Еще? – Лимоны словно живые прыгнули на весы и перелетели в мой пакет.

– Три килограмма картофеля. Кило томатов.

Что со мной? Какого дьявола я назвал помидоры томатами? Ни разу в жизни не встречал такого ненормального!

– Из корнеплодов еще что-нибудь брать будете? Из крестоцветных, или из пасленовых?

Лицо продавца оставалось вежливым и добродушным.

– Пять баллов... – пробормотал я. – Еще кило огурцов и все. Спасибо.

Когда я рассчитался и отошел от прилавка, девушки уже не было.

Ну и правильно.

Раньше, встречая на улице интересное лицо, или просто забавную сценку, или даже такую мелочь, как пара лимонов, купленных в очереди за картошкой и капустой, я знал, что это останется со мной. У меня ведь был дом... большой многоквартирный дом. Пусть не в реальном мире, а в виртуальности. И в моей власти было поселить в него кого угодно.

Я пришел бы домой, сказал компьютеру: «Вика, погружение»... Я вспомнил бы лица и жесты, я додумал бы то, что мне неизвестно. Обставил бы квартиру, в которой поселится эта девочка.

Глупо жалеть о прошлом. Тем более о захлавленной маленькой квартире, где в раковине неделями валялись грязные тарелки, в холодильнике из еды имелись заводские пельмени, бумажные сосиски и пиво, а рубашки в гардеробе выбирались по принципу наименьшей помятости...

Я и не жалею.

Растительное масло и водка продавались в одном отделе. Секунду я постоял, подозрительно изучая бутылки. «Кристалл» лучше, «Топаз» дешевле... Выбор я сделал просто – взял и то, и другое. Ребята тоже спиртного притащат, но вод-

ки все равно много не бывает.

Можно и возвращаться. Алгоритм пройден, программа завершена.

Return.

End.

Порой я замечаю, что все, что надо сделать в настоящем, человеческом мире, я мысленно разбиваю на этапы, будто строки примитивной программы. Зато в *глубине* живу обычной, нормальной, человеческой жизнью. Просто живу.

Наверное, об этом стоит рассказать Вике. Это ее специальность... ее поле боя. Но я не рассказываю – стыдно.

Я вышел из магазина, глянул в небо. Серые тучи. Со дня на день снег пойдет. Скорей бы уж... скорей. Ничего нет лучше плохой погоды, прав был болгарский писатель.

А ведь это тоже – симптом. Явный и опасный. Я не хочу выходить из виртуальности. Не желаю появляться в человеческом мире. Здесь плохо. Здесь грязно и неуютно. Иногда здесь убивают.

Впрочем, уже не только здесь. Если верить Ежику...

Падла... упокой, Господи, душу честного хакера...

Когда-то я мог улыбаться, встречая хакеров. Быть с ними на равных... и даже чуть выше. Ведь их было много, а нас – мало. И мы могли то, что для них оставалось недоступным.

Кончились те времена.

Даже в этом ничего страшного нет. Не я первый, чьи способности стали ненужными для общества. Где вы сейчас,

виртуозы линотипов; где вы, шорники; где мастера-стеклодувы? Ушли в прошлое, в детские книжки с картинками, в исторические фильмы и строчки энциклопедий.

От нас вообще ничего не осталось.

Но, наверное, я единственный из дайверов... бывших дайверов, кто заимел дип-психоз в самой тяжелой форме. Настолько тяжелой, что даже Вика пока не замечает происходящего.

– Не мог сам открыть? – отпирая дверь, спросила Вика. Она была в фартуке, руки – в фарше. Я отдернул палец от звонка, словно ребенок, позвонивший в чужую дверь и пойманный на проказе.

– Ключ забыл.

– Неси все на кухню...

Вика вернулась к котлетам – первая партия уже жарилась. Я торопливо вывалил овощи в ящик холодильника, поставил водку в морозильник, масло поставил на стол. Спросил:

– Помочь?

Вика искоса посмотрела на меня. Потом – на часы.

– Не надо. Если хочешь, ныряй. Только поставь таймер на полчаса, поможешь на стол накрыть.

Неловкость и стыд кольнули меня – стремительно и мимолетно.

– Точно не надо помочь? – подстраховался я.

– Если ты так настаиваешь... – Вика не закончила. – Да иди, ныряй, что я, картошку сама не почищу...

– Угу. – Я выскочил из кухни. Полчаса. Таймер. Помочь накрыть на стол.

Компьютер ожил, едва я коснулся мыши. Монитор еще не успел прогреться, когда я натянул комбинезон, подключил кабель к разъему на поясе, надел шлем.

Пальцы пробежали по клавиатуре.

deep

Ввод.

И бешеная радуга, порождение нечаянного гения Димы Дибенко, вспыхнула на экранах виртуального шлема.

Все дело именно в ней, в дип-программе. В этих хаотичных переливах цветов; разгорающихся и гаснущих звездах; радужных каплях, расплывающихся по экранам, будто брызги бензина на воде. Без нее *глубина* мертва. Только дип-программа превращает схематичный виртуальный мирок в осязаемую и убедительную реальность. Никто до сих пор не смог объяснить, как взаимодействуют с сознанием и подсознанием цветные блики на экране, почему дип-программа работает на любых компьютерах и почти любых видеокартах, почему домысленные детали виртуального мира так похожи у людей любого возраста, пола и культуры. Выпущены в свет тысячи монографий и популярных книг, бодро шлепаются статейки в газетах и журналах, в академических лабораториях и секретных лабораториях велись и ведутся эксперименты...

Все тщетно. Есть дип-программа, которая работает. Есть программы, порождающие практически ту же картинку на мониторе, но не дающие эффекта. И никто не в силах объяснить, почему работающая только со зрением дип-программа великолепно действует на дальтоников, но бесполезна для людей с врожденной глухотой.

Глубина...

Первый миг – самый трудный. Я встаю с кресла, уже не связанный путами кабеля. Смотрю налево, направо...

Комнатка дешевого отеля. Можно даже сказать обиднее – комнатка совковой гостиницы. Койка, тумбочка, гардероб. Стол с компьютерным терминалом, крутящееся кресло – единственная деталь, не укладывающаяся в аскетичный интерьер. Дверь, на ней – почтовый ящик, рядом – заботливо приготовленная мусорная корзина. Окно, за ним улочка, пустынная и унылая.

– Привет, – говорю я.

Глубина молчит. Ну и не важно. Мы не гордые.

Зачем я здесь? Именно сейчас – зачем? Когда Вика, только что пришедшая с работы, возится на кухне с обедом для гостей – не только ее, но и моих гостей, между прочим. Когда свободного времени – полчаса... черт, а ведь таймер так и не поставил...

Она ведь ждала, что я ей помогу. Отмахнулась от ритуально предложенной помощи, но ведь ждала. Сознать, что поступаешь как сволочь, обидно. Но это уже почти привычная самообида. Сладенькая и мерзкая, как страдание мазохиста.

– Полчаса. – Я словно приказываю себе. – Нет, четверть часа.

Открываю почтовый ящик, проверяю накопившуюся почту. Десяток рекламных листов, пачка газет, три письма.

Ничего важного.

Но зачем-то же я нырнул?

Поработать?

Смешно. Слишком мало времени.

Дообедать?

Зачем, когда меня ожидает настоящая еда.

Пообщаться?

С кем и самое главное – для чего?

Я вдруг осознаю, что стою посреди комнатки, кусая губы и глядя на выброшенную в корзину почту.

Что потащило меня в *глубину*?

Упокой, Господи...

В *глубине* не умирают. Нет, всякое бывает, конечно. Слабое сердце может не выдержать нагрузки. Если кто-то исхитрится отключить контрольные цепи, то возможен болевой шок от придуманной раны. Но к «хакеру небесталанному» это все вряд ли относится.

А ко мне-то – каким боком?

Хакер полез на охраняемую территорию. Был замечен и убит – в *глубине*. Умер и в реальном мире... вполне вероятно, что его отследили очень быстро, и посланные бандиты взяли его тепленьким прямо у машины, в шлеме и комбинезоне. Да. Скорее всего так оно и было. Не он первый, не он последний, пострадавший за виртуальные грехи от вполне реальных бритоголовых охранничков.

Но что-то ведь держит меня, дергает, тревожит...

Открываю дверь, выхожу в коридор гостиницы. Оглядываю себя. Серенькое, неприметное тело мотоциклиста годится лишь для скоростного передвижения по улицам. Сейчас мне нужно что-то другое.

Конечно, если действительно нужно.

Я стою, привалившись к выкрашенной унылой зеленой краской стене. Такой красят сортиры в дешевых многоквартирных домах. Краска в потеках, кое-где шелушится. Лампочки под потолком тусклые, пыльные. Гостиница переживает не лучшие времена, большинство предпочитает входить в виртуальность из собственных домов, а не из таких вот свинарников.

Что я делаю...

Зачем мне все это?

– Вам плохо?

Оборачиваюсь – коридорный подошел совсем неслышно. Только раньше я его все равно бы заметил...

– Нет, спасибо.

Облик коридорного стандартен – «внимательный клерк». На работе не возбраняется использовать тела собственной работы, но многие предпочитают стандартные. Особенно если работа скучная и постылая, вроде грузчика, продавца, работника гостиницы...

– Вы первый раз в *глубине*? Вам помочь?

– Спасибо. Все в порядке.

Понял. Кивает и уходит. Докучать не принято, по крайней

мере служащие это понимают...

Решиться трудно. Очень трудно. И все-таки я иду по коридору, поглядывая на номера, косо прикрученные к дверям.

2008

Легонько дергаю ручку. И ничуть не удивляюсь, что номер не заперт. Свободно, можно вселяться...

А чего я хотел? Чтобы гостиница сохранила за мной комнату, которую я перестал оплачивать год назад?

Дальше...

2017

Дверь заперта.

Это еще ничего не значит, совсем ничего. Оплата была на пять лет вперед, но по ломаной кредитке. В любой момент могло открыться, что за эту комнату гостиница получает плату со своего же счета.

Номер могли отдать другому посетителю виртуальности. А могли сообщить в полицию – и тогда стоит лишь открыть дверь, чтобы влипнуть в засаду.

Я мысленно повторяю все это, а руки заняты чем-то своим. Ощупывают дверь, сдвигают заслонку замка, касаются клавиш.

Двенадцать цифр, составляющих код, – да я их уже и не помню... наяву... А пальцы – помнят. Я еще медлю мгновение, прежде чем нажать ввод.

Замок щелкает, открываясь.

Комната почти такая же, как в моем постоянном номере. Только картина на стене нарушает однообразно-дешевый уют. Это не стандартная репродукция старых мастеров, которые так любят лепить на стены в *глубине*. Не Айвазовский, не Шишкин, не Дали.

Стою на пороге, пытаюсь овладеть собой. А где-то в груди стучит холодный метроном.

Засада – или все в порядке?

Полицейский участок – напротив гостиницы. Минута, две, никак не больше.

В коридоре по-прежнему тихо и пустынно. Стражей порядка нет. Ломаный вход выстоял почти два года. Надо же... Хорошо Маньяк поработал.

Надо просто войти.

И вдруг я понимаю, что не могу, не в силах этого сделать.

Войти сюда – все равно что открыть старый фотоальбом, все равно что поставить в видеомэгнитофон полузабытую кассету. Это – прошлое. Мертвое. Похороненное, оплаканное, забытое.

Никогда не возвращайся по своим следам. Там ждут лишь тени.

Глубина дарит эту возможность с необычайной легкостью.

Надежнее и ярче фото и видео. Прошлое всегда рядом. Только пожелай – оно воскреснет.

Вот только лишь Богу позволено поднимать из могил мертвецов.

Я притворяю дверь, осторожно, бережно, будто боюсь разбудить кого-то, спящего в пустом номере. Замок разочарованно щелкает, закрываясь. До моего номера – двадцать шагов по коридору, но я не могу сделать ни шага.

Глубина-глубина... а пошла ты...

Сняв шлем, я повесил его на крючок, когда-то специально укрепленный в стене. Пробормотал:

– Машина, выход.

Так, надо переодеться... встречать гостей в виртуальном комбинезоне, больше всего напоминающем одеяние сумасшедшего профессора из голливудского фильма, – невежливо. Раздевшись до трусов, я сложил комбинезон поаккуратнее, пристроил на подоконнике рядом с компьютерным столом. Глянул – стол в гостиной был уже накрыт. Прислушался – на кухне тихо. Позвал:

– Вика?

– Я в спальне... Ты уже?

Проигнорировав нарочитое удивление в ее голосе, я зашел в спальню. Вика переодевалась.

– Застегни...

Я помог ей застегнуть молнию на платье. Вика и впрямь

прихорошила. Даже волосы уложила.

– Долго я там был? – тихонько спросил я. Зарылся лицом в ее волосы. Вика дернула плечами.

– Нет, не очень. Минут сорок.

– Извини. Мне показалось, что от силы четверть часа.

– Ничего, я тебя ждала позже.

Я продолжал стоять, держа руки на ее плечах.

Когда между нами все сломалось? Когда превратилось в прошлое – куда можно заглянуть, но нельзя вернуться?

Не знаю. Не могу понять. Не заметил – оттуда, из *глубины...*

Самое обидное, что ведь внешне ничего не изменилось. Ни при людях, ни между нами наедине. Мы не ссоримся, не бьем посуду, не ругаемся по поводу денег, семейных обязанностей, алкоголя, приезда Викиной мамы или прихода моих друзей.

Все прекрасно. Девяносто процентов семей нам могут позавидовать.

И невозможно назвать словами то, что исчезло.

– Хочешь что-то сказать? – не оборачиваясь, спросила Вика.

Я помолчал секунду:

– Я люблю тебя.

– Я тоже тебя очень люблю. Как ты думаешь, мне надеть сережки?

– Надень... – Я даже не могу понять, чего больше в этой

фразе – ухода от моих пустых и ненужных слов, или ответного знака... пару сережек с желтыми топазами я подарил ей перед свадьбой.

– А пойдет к синему?

– Мне кажется, да.

– Ладно... ты надень серые джинсы и клетчатую рубашку, ту, что моя мама подарила. Тебе очень идет.

Вика выскользнула из моих ладоней легко и непринужденно. Еще секунду я обнимал воздух, потом открыл шкаф. Джинсы были совсем новые, я зубами перекусил пластиковую нитку с этикеткой.

– А ножницы еще не придумали? – укоризненно спросила Вика.

– Нет. Для лентяев ножи и ножницы всегда дальше, чем собственные зубы.

В прихожей тренькнул звонок.

– Давай быстрее, я открою. – Вика бросилась из спальни, обронив на ходу: – И носки смени, не забудь...

– И вымой уши... – прошептал я, втискиваясь в слишком тугие, не разношенные джинсы. Где эта чертова рубашка? Мне она не нравится, но не надеть ее – обидеть тещу, а значит, обидеть Вику, значит...

Любой поступок, безразлично, чем он был вызван, тянет за собой целую цепочку следствий. А вот каких, зависит совсем не от самого поступка, только от отношения к тебе.

– Андрей, спасибо... – донеслось из прихожей. Я застег-

нул рубашку. Воротничок жал, но, может быть, она и впрямь мне идет.

Ответная реплика Андрея Недосилова была едва слышна. Он всегда говорил негромко и мягко.

– Не заблудился? – спросила Вика. Андрей к нам приехал первый раз.

– Это я заблудился... – прошептал я. – В самом себе.

– Леня!

– Иду! – Я заправил рубашку и вышел в коридор.

Когда-то Андрей Недосилов был мне очень симпатичен. Он психолог, коллега Вики, занимается исследованиями *глубины* и всех феноменов, связанных с ней. Сейчас... сейчас даже не знаю.

– Леонид, добрый вечер. – Андрей здоровался так, будто мы с ним расстались пару часов назад, а не год назад на Московском вокзале в Питере, когда мы уезжали. В одной руке он держал укутанную в целлофан розу, в другой – бутылочку какого-то ликера.

– Не заблудился? – повторил я вопрос Вики.

– Все в порядке. У вас очень хорошо. – Он одобрительно обвел взглядом прихожую. – Чувствуется семейный уют и теплота.

Андрей – крупный, но того странного, массивного и мягкого типа людей, которых легко представить в массивном кресле или за трибуной перед притихшей аудиторией, но совершенно невозможно вообразить за штурвалом или с от-

бойным молотком. А еще он поразительно легко внушает доверие и уважение – первыми же словами, негромким и уверенным голосом.

– Проходи, – предложил я. – Так ты один?

– Мои ребята задерживаются. – Андрей сделал странный жест, будто собирался поправить несуществующие очки. Вот из таких маленьких деталей и складывается образ – лукавый ленинский прищур, ослепительная гагаринская улыбка, сдержанная леоновская печаль. Каждый неординарный человек придумывает – осознанно или нет – какую-нибудь метку: движением, мимикой, интонацией. И несет ее как знамя собственного обаяния.

– Как конгресс? – спросила Вика, забирая у него бутылку и цветы. – Леня, принеси вазу, ту, высокую...

– Крайне интересно. – Недосилов стал разоблачаться. Слово «раздеваться» к нему никак не подходило. – Витя Архонтов сделал любопытный доклад...

Я пошел за вазой, краем уха слушая отчет о конгрессе.

– Марк Петровский по-прежнему развивает свою тему... боюсь, ничего нового за прошедший год, хотя статистика собрана занятная...

Ваза была пыльная. Когда я последний раз дарил Вике цветы? На Восьмое марта... нет, потом еще летом... шел из магазина, старушка продавала гладиолусы, с дачи, по дешевке...

– Багрянов и Богородский поработали на славу, оценить

сразу трудно, но результаты многообещающие...

Я поймал себя на том, что стою и медленно стираю пыль с горлышка вазы. Можно гордиться бутылкой вина, поросшей пылью, но уж никак не вазой для цветов...

– Плотников все в своем ключе... Многие критикуют, но я считаю перспективным это направление...

«Любопытно», «занятно», «многообещающе», «перспективно». Профессиональная этика, сдержанная и солидная...

– Виктория, а почему ты отказалась от участия в конгрессе? Тебе посылали приглашение?

– Теперь это уже не мой профиль, Андрюша... ты ведь знаешь. А как твой доклад?

– Тут не мне судить...

Они вошли в гостиную, а я бросил заниматься ерундой и двинулся с вазой в ванную.

– Какая тема?

Вика могла спрашивать сколь угодно непринужденно. Я все равно чувствовал ее тон, ее жадный интерес. Наверное, и Андрея ей не обмануть.

– «Неомифология на примере легенды о дайверах в субкультуре виртуального пространства». Феномен уже исследовался, но, к сожалению, слишком некритично...

Я запнулся, но все же вышел из комнаты. Рванул дверь ванной. Пустил воду, сунул вазу под струю. Хрусталь звякнул, налетев на чугунный край ванны, но устоял.

Легенды о дайверах, значит?

Выплеснув мутную воду, я заново наполнил вазу и рванулся в комнату. Слишком поспешно, наверное, но Андрею и Вике было не до меня.

– Теперь точка поставлена?

– На данный момент – да. – Недосилов уже расположился на диване. Ерзал, устраиваясь поудобнее. С людьми он сжился моментально, а вот с пространством – нет. Есть люди, которые могут, войдя в чужой дом, сразу стать его частью, – будь то сверкающая и богатая квартира, или захламленная комната в коммуналке. Андрей к их числу не относился, наверное, только в своем доме он был адекватен среде. – Я собрал весь существующий материал о так называемых дайверах...

Сорвав целлофан, я сунул розу в воду. Вика тревожноглянула на меня, взяла вазу. Мгновенно изменилась в лице:

– Леня, ты что? Тут же кипятик...

Она метнулась в коридор, на ходу выдергивая несчастный цветок.

Я сел рядом с Андреем. Молча откупорил бутылку водки. Вопросительно глянул на гостя.

– Если позволишь... – Недосилов открыл предусмотрительно принесенный ликер, что-то ирландское, сливочное. Налил мутной белой жидкости в рюмку. – Виктория, что будешь пить?

– Поскольку у нас лишь водка, – сказала Вика, входя, – то ликер...

Черт. Забыл, что она просила взять вина или пива...

– Вика, в магазине ничего приличного не было... – пробормотал я.

– Да ничего страшного, – ставя розу посреди стола, отмахнулась Вика. – Андрей же догадался...

– За ваш дом, – положив себе ложку салата, сказал Недосилов. – Наконец удалось к вам выбраться...

Мы сдвинули рюмки. Проглотив тепловатую, но не слишком противную водку, я попытался представить следующие тосты.

За хозяйку. За хозяина. За гостя и его успешную научную работу. За страну и народ... нет, вначале за здоровье присутствующих, потом – за страну и народ. Потом за наш ответный визит.

Впрочем, я переоцениваю Андрея – он даже слабенького ликера выпьет не больше трех-четырех рюмок за вечер. Так что страна и народ могут быть свободны, до них очередь не дойдет.

– А как ваша работа? – закусывая ликер салатом оливье, спросил Недосилов.

Вопрос, похоже, в равной степени относился к нам обоим. Мы с Викторией переглянулись.

– Нормально, – ответила Вика. – Развитие пространственного и образного мышления у младших школьников... я ведь тебе писала. Использование *глубины* как корректирующей методики при нарушениях восприятия...

– Скоро докторская? – по-деловому осведомился Андрей.

– Ага, – легко ответила Вика.

– Позови на защиту, обязательно! И давай напишу хороший отзыв.

– А если тебе не понравится? – спросила Вика.

– Как мне может не понравиться твоя работа? – удивился Недосилов. – Я ведь знаю твой уровень! Леонид, а как у тебя дела?

– Работаю в крупной фирме Диптауна, – сказал я. – Специалист по транспортным операциям.

Андрей кивнул.

– Грузчик, – уточнил я.

Недосилов улыбнулся. Похоже, счел, что это сленг.

– Андрей, так расскажи, что там с дайверами? – спросил я. – Существуют они или нет?

Психолог наконец-то устроился удобно, обжился на диване. Вдохнул:

– Понимаешь, Леонид, исходя из картины мира, как совокупности базовых представлений общества и сопутствующих субкультур множества социальных микросред, существует абсолютно все. Реальность Кащея Бессмертного или Бабы-Яги тоже нельзя подвергать сомнению – если рассматривать эти фигуры в контексте конкретной исторической и культурной обстановки. Что такое на самом деле мифология? Внесение в мир недостающих компонентов, оживших в человеческом сознании, но не имеющих в материальной

реальности. Согласен?

– Да, пожалуй.

Вика глянула на часы, встала, вышла на кухню, предупредив:

– Скоро будет горячее...

– Так вот, – Андрей, похоже, повторял какие-то фрагменты своего сегодняшнего доклада, – для создания полноценного, живого – именно живого – мифа необходимы следующие обстоятельства. Первое: общество, или его организованная и устойчивая часть, должно нуждаться в данном мифе. Существовал ли этот фактор в начальном этапе создания виртуальности? Конечно, в связи с несовершенством программного и технического оборудования. Многочисленные инциденты требовали мифа о спасителях-дайверах, которые найдут, помогут, защитят... Теперь второе! Должны наблюдаться те или иные реальные проявления действия мифологических персонажей. Зевс был реален для древних греков именно потому, что каждый видел молнии.

– Значит, и дайверов видели?

Недосилов погрозил мне пальцем.

– Не дайверов! Наблюдались события, которые можно было приписать дайверам. А именно в ситуации, когда обычный человек не мог самостоятельно выйти из виртуальности, некоторые выходили. Как это могло быть воспринято? Только как существование особых людей, полностью контролирующих свое сознание и не теряющих контакта с реально-

стью!

– А как ты объясняешь эти случаи?

Андрей тихо засмеялся.

– Леонид... ну все ведь так просто! Я понимаю, ты регулярно бываешь в виртуальном мире, в этом самом Диптауне... ты свыкся с его сленгом, культурой, мифами... Но попробуй отрешиться и представить ситуацию здраво, с точки зрения нормального, здравомыслящего человека!

– Трудно, но попробую... – Я налил себе еще водки. С кухни доносился какой-то шум, я быстро выпил и поставил рюмку на место. Андрей деликатно сделал вид, что ничего не заметил.

А может быть, и впрямь не заметил...

– Вначале я пошел по ложному пути, – самокритично сказал Недосилов. – Я решил, что несколько догадливых молодых людей нарисовали на своих виртуальных одеждах специальные кнопки – кнопки выхода. Когда они нажимали их в виртуальности, то в реальном мире отдавали компьютеру команду на выход.

– Не пойдет, – сказал я. – Понимаешь, ты можешь нарисовать себе тысячу кнопок. На всех частях тела. Но сознание под действием дип-программы не поверит в их реальность. Это ведь очень сладкая иллюзия, *глубина*. Слаще героина. Ты будешь жать на кнопку «выход», но не наберешь никакой команды наяву. И знаешь почему? Сделать это – признать нереальность *глубины*. Крыса, которой вживили в центр удо-

вольствия электроды, не станет перекусывать провода. Она предпочтет давить на педаль и умереть от истощения. Люди ничем не лучше крыс.

– Согласен-согласен! – Андрей поднял руки. – Леонид, я ведь консультировался с великолепными специалистами по виртуальному миру. С теми, кто бывает там по несколько часов каждый день!

Я проглотил смешок. Конечно, когда тебе хвастаются, что знакомы с людьми, способными выпить стакан водки, хочется сказать, что можешь осилить пару бутылок. Но... как-то стыдно.

Сколько лет я прожил, выходя из *глубины* на несколько часов в день?

– Ошибочный результат не менее ценен, чем верный, – наставительно произнес Недосилов. – Я стал исследовать вопрос глубже. Если не может дать ответа фактор технический, то все дело в факторе человеческом...

– Ну да, – оживился я. – Естественно. Феномен дайверов и был именно человеческим. Они чувствовали грань между фантазией и реальностью...

Недосилов печально покачал головой:

– Вот сейчас ты излагаешь миф. Слепо доверяешься легенде. А почему, знаешь? Ты веришь в миф о героях-одиночках!

– Не понимаю, – честно признался я.

– Дайверы работали в паре, – со смешком сказал Андрей.

– Иногда – да, – сказал я. Вспомнил Ромку, поморщился, потянулся к бутылке. – Но в общем-то они страшные индивидуалисты, и...

– Миф! – торжествующе произнес Недосилов. – Миф! Дайверы, так называемые дайверы, делали ставку именно на человеческую тягу к индивидуализму. Но сами они всегда работали в паре. Один пребывал в виртуальном пространстве. – Он сделал паузу. – А вот второй сидел рядом, наблюдал за происходящим на мониторе и в случае необходимости отдавал команду на выход!

– Но... – Я замолчал, пытаюсь представить себе подобную схему.

– Понимаешь? – Недосилов, казалось, хотел покровительственно похлопать меня по плечу. Но его дистанция комфортности была даже больше, чем у японцев, он и руку всегда жал торопливо и вполсилы. – Весь секрет дайверов – работа в паре!

– Андрей, ты понимаешь, их работа была не из той... – Я замолчал. Не тот аргумент. Ну как ему объяснить, черт возьми... – Андрей, ну ты ведь был в *глубине*?

– Нет, конечно, – с ноткой удивления отозвался Недосилов. – Я исследователь, Леонид. Ученый, а не подопытный.

Проглотив «подопытного», я продолжил:

– Ну тогда поверь мне, работа по описанному тобой методу не даст абсолютно ничего. Картинка на экране компьютера имеет мало общего с тем, что ты видишь и ощущаешь,

находясь *там*. Никакой самый внимательный и умный партнер не способен понять, когда тебе на самом деле необходимо выйти из *глубины*.

– Тебе лишь так кажется, Леонид. – Андрей мягко улыбнулся. – А я говорил со специалистами. Они убеждены, что все происходило именно так. Более того! Эксперименты подтвердили, что схема действует!

– В отдельных случаях – возможно. – Я не пытался спорить с его правдой. Моя правда была диаметрально противоположна его, но это еще ничего не значило. – Но не во всех, уверяю тебя! Да и нельзя сравнивать нынешнюю *глубину* и ту, что была раньше! Два года назад большинство людей находились в Диптауне по телефонному соединению, через модемы. Скорость передачи данных была очень низкой, проработка мира на дисплее – минимальной. Зачем были нужны все эти компании, «Дип-проводник», например, как ты думаешь?

– Для удобства виртуального перемещения, – спокойно ответил Андрей.

– Да нет же! Просто, пока ты ехал в такси по виртуальному миру, машина торопливо загружала данные о той точке, куда ты должен приехать. Сейчас это тоже происходит, но куда быстрее. А раньше по Диптауну путешествовали неспешно, и чем хуже у тебя была машина и телефонная линия, тем дольше приходилось ехать из одной точки в другую...

– Очень интересно, – кивнул Недосилов. – Я учту, спаси-

бо. Но в целом ты не прав.

– Почему?

– Да потому, что ты находишься в плену мифа, Леонид! Ты слишком романтичен, пусть тебя не обидят мои слова. Это даже хорошо – романтика! Конечно, дайверы существовали. Как миф. Как элемент среды обитания. Как символ. А в какой-то мере даже физически – как хорошо сработавшиеся группы хакеров. Но не более того. Разберем, к примеру, самые известные легенды о дайверах. Те, что были сложены в конце начального периода освоения виртуальности, в золотую эру виртуального мифотворчества. Легенда о мосте из конского волоса и волшебном яблоке «Аль-Кабара», легенда о Неудачнике, легенда о «Лабиринте Смерти»...

– Легенды? – тупо спросил я.

– Мальчики!

Мы посмотрели на Вику.

– Не ссорьтесь, а? – Вика поставила перед нами тарелки. – Лучше поешьте перед следующей рюмкой. А ты, Леня, налей мне водки.

– Ты ведь хотела пить ликер, – буркнул я.

– Я передумала.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

Она все слышала. Или почти все. И понимает, что я сейчас испытываю.

Это – мы понимаем.

Несмотря ни на что.

– Спасибо, Вика, – сказал я. – Не хочется пить водку в одиночестве.

Мы даже успели выпить, перед тем как в дверь раздался звонок.

Где-то часов в одиннадцать я стоял на балконе с Васей и Володей, молодыми аспирантами Недосилова. В руке у меня была полная рюмка, в голове – шум, в душе – пустота.

– Итак, что мы имеем в результате? – доносился из гостиной голос Недосилова. – Как мы убедились, неквалифицированные программисты развлекательного центра «Лабиринт Смерти» допустили падение сервера. Признать ошибку – значит получить взыскание. И тогда рождается версия, что всему виной был дайвер. Если разобрать остальные мифы, то мы обнаружим, что в основе каждого лежит некомпетентность, непрофессионализм, сомнение. В средние века проще было признать причиной эпидемии злое колдовство ведьм, чем потоки фекалий, струящиеся по улицам городов. В наши дни козлом отпущения стали несуществующие дайверы...

Я глубоко затянулся сигаретой, которую стрельнул у Володи. Курю я редко, но сейчас хотелось.

Ребята рядом жадно внимали голосу шефа. Правильно делаете, скоро станете кандидатами наук. Ниспровергнете все мифы, выправите кривду, подведете прочный базис под шаткую надстройку.

– А почему именно дайверы, а не хакеры? – спросила Вика. Она уже с полчаса сидела с рюмкой перед Недосиловым, слушая вдохновенный рассказ коллеги.

Интересно, Андрей не понимает, что его самого сейчас изучают?

– Хакерами мнят себя все, или почти все программисты, – моментально объяснил Недосилов. – Признать вину хакеров – все равно что расписаться в собственной некомпетентности. Другое дело – дайверы. Сверхсила, люди с особыми способностями. Им проиграть не стыдно... Виктория, ты ведь и сама занималась изучением дайверов?

– Мне это наскучило, Андрей.

– Зря, зря... Крайне любопытно.

– Но их ведь нет, Андрей.

Ирония в голосе была так глубоко, что я с трудом ее заметил.

– Реальность предмета исследований не важна, Вика! Исследование самоценно само по себе!

Я посмотрел на глубокомысленное лицо Василия. Кивнул ему, поднял рюмку:

– За важность несуществующего.

Мы чокнулись.

– Нам уже пора. – Володя посмотрел на товарища: – Скажи Андрею Петровичу... скоро поезд.

– Сам скажи, – огрызнулся Василий.

– Андрей! – обернувшись, крикнул я. – На поезд не опоз-

даете? Тут ребята волнуются!

Наступила неловкая пауза.

– Действительно... – сквозь тюль я видел, как Андрей неохотно отрывается от дивана. – Виктория, тебе надо приехать в Питер, попробуем освежить твои старые наработки. Обещаешь?

– Попробую. – Вика встала.

Собрались они быстро – и Недосилов, и его аспиранты. Вот что ценю в людях – это умение быстро прощаться.

– Леонид, рад буду вас видеть! – Андрей даже руку мне пожал необычайно крепко, видимо, и впрямь ему понравился вечер. Еще бы, после блистательного выступления на конгрессе – повторное выступление, перед когда-то известной, а ныне погрязшей в быту коллегой и ее наивным мужем...

– Взаимно, – ответил я.

Дверь за ними я запираю очень тщательно. Видимо, перебрал.

– Леня...

Я посмотрел на Вику. Она стояла, прислонившись к стене, как-то обмякнув и словно даже постарев.

– Меня нет, – ответил я. – Вика, нам же доказали? Меня нет и никогда не было. Я – легенда. Миф. Несколько абзацев в чужой диссертации.

Она молчала.

– Я не шел в «Аль-Кабар». Я не вытаскивал Неудачника из «Лабиринта». Я не прятался в публичном доме, ведь его

хозяйка тоже не существовала в природе. Я лишь воплощение чужой некомпетентности. Человек, никогда не входивший в *глубину*, доказал это.

– Леонид, пойми, он очень талантливый ученый...

– Вижу.

– Он просто очень увлекается. Если принял какой-то тезис за истину, то никогда от него не отступит. Найдет опровержение всему, что не укладывается в теорию и доказательства самым сомнительным фактам.

– Прекрасный ученый...

– В одном он прав. – Вика посмотрела мне в глаза. – Дайверов нет. Теперь нет. И это надо признать.

Я мог бы сказать, что давным-давно это понял и признал. Но предпочел промолчать.

– Давай уберем завтра? – тихо сказала Вика.

– Давай.

– Пойдем спать?

– Не хочу... правда, не хочу.

– Сова... – негромко, с легкой-легкой насмешливостью произнесла Вика. И на миг мне захотелось наплевать на все.

Лечь спать. А завтра, рано утром, начать обзванивать знакомых – в поисках нормальной работы.

– Я не сова, – сказал я. – Не сова и не жаворонок. Таких зверей и не сыскать, как я сплю.

– Спокойной ночи, Леонид. – Вика повернулась и пошла в ванную.

– Спокойной ночи, – пробормотал я. Два года назад сама мысль, что я могу сесть за машину, когда Вика ложится спать, показалась бы мне чудовищной.

Как все меняется.

Когда дверь ванной закрылась и зашумела вода, я торопливо пошел в гостиную. Меня слегка вело – все-таки я выпил слишком много. На ходу я стянул рубашку и джинсы, бросил на диван. Ухватил со стола кусочек сыра, запил глотком апельсинового сока.

Комбинезон оказался влажным, давно пора хорошенько просушить... Я подключился к компьютеру, посмотрел, как оживает экран.

Меня нет. Никого из нас больше нет. Так?

Бешенство, холодное и яркое, начало закипать в душе.

Под ногами – желтый песок. Жарко, очень жарко, порывы ветра заставляют щуриться. Впереди – пропасть метров сто шириной, за ней – восточный город. Минареты, купола, все в оранжево-желто-зеленых тонах.

Ничего этого не было? Точно?

Крутой обрыв, схваченный цепким покровом низкого кустарника. Очень сильный ветер, я щурюсь. Небо затянуто тучами. Река не то чтобы горная, но порожистая и быстрая. Вдали вьется стая каких-то крупных птиц – не знаю, каких именно, они никогда не подлетают близко.

Да не было этого! Не было!

Голубое пламя сверкает в траве, не сжигая и не отбрасы-

вая теней. Звезда упала в ложбину между двумя холмами. Чуть дальше – нагромождение скал, совершенно неуместное здесь, словно вырванное из другого мира.

Это все придумано. Неопытными пользователями и бес-
талантными программистами, уронившими свой сервер. Но-
вая мифология. А были и есть лишь пыльные экраны мо-
ниторов, перегретые от натуги компьютеры, остекленевшие
глаза и застывшие лица людей, воткнувшие штекер своего
виртуального комбинезона в дип-порт машины...

Пальцы коснулись клавиатуры. Я почувствовал, что до бо-
ли закусил губу. Сейчас Вика выйдет из душа и обнаружит
меня на привычном месте – за компьютером, со скребущи-
ми по клавишам пальцами, со скрытыми шлемом глазами
– глазами, привыкшими смотреть в никуда, в поток безраз-
личных импульсов, струящихся по сети. Она посмотрит на
меня, может быть, подойдет и поправит спутавшийся кабель,
может быть, прикроет плотнее балконную дверь, чтобы не
слишком дуло.

И уйдет, чтобы заснуть в одиночестве. Ее ноутбук, стоя-
щий на тумбочке у постели, зря будет ждать хозяйку.

deer

– Таких зверей и не сыскать... – сказал я кому-то. Может
быть, Недосилову, который, ерзая в такси, все объясняет что-
то водителю, своим внимательным аспирантам, холодной но-
чи вокруг...

Ввод.

Радуга, свернувшаяся кольцом, закусившая свой хвост.
Глубина.

Захлопываю за собой дверь номера, оказываюсь в коридоре. Как всегда в *глубине* опьянение отступает. Остается лишь порывистость движений и стремление что-то делать.

Меня нет?

Посмотрим.

Иду к номеру 2017. Оглядываюсь – коридор пуст. Прекрасно, хоть и нет ничего странного в человеке, вышедшем из одного номера и направившемся в другой.

Набираю код, дверь распахивается.

То, что несколько часов назад не давалось, происходит само собой. Я переступаю порог, захопываю за собой дверь.

Тишина.

Не такая, как в обычном, обжитом гостиничном номере. Тишина кладбищенского склепа, заброшенного ангара, сырого оврага. Может быть, я придумал ее сам, эту тишину, но теперь она стала реальностью.

Стараясь не смотреть на картину, висящую на стене, подхожу к гардеробу. Здесь нет никакого замка – если уж вскроют наружную дверь, то эта никого не удержит.

Надеюсь, там, в настоящем мире, Вика не смотрит на монитор...

Открываю дверцы – они тихо, печально скрипят. Говорю:
– Привет...

Смятые, будто резиновые куклы, из которых выпустили воздух, в пахнущем пылью и нафталином нутре шкафа висят человеческие тела.

Протягиваю руку, касаюсь ладони одного из обитателей шкафа. Худощавый высокий мужчина, смуглый, глаза оттенка выцветшего неба, две кобуры на поясе.

– Здравствуй, Стрелок...

Он молчит. Он ничто без меня.

Они все – ничто без меня.

Бородач в странных одеждах...

– Здравствуй, Элениум...

Пожилой, очень благообразный джентльмен...

– Здравствуй, Дон...

Рыжеволосая, пышнотелая девушка...

– Здравствуй, Луиза...

Неприметный мужчина средних лет...

– Здравствуй, Скользящий...

Дряхлый старичок...

– Здравствуй, Протей...

Молодой, симпатичный парень...

– Здравствуй, Ромео...

Патроны в барабане. Смятые карнавальные маски. Старые ружья в арсенале.

Или – хуже?

Экспонаты музея?

Протягиваю руку, снимаю с вешалки старичка. Загляды-

ваю в глаза – пустые, блеклые, подернутые белесой мутью...

И подхватываю падающее тело – никчемное тело мотоциклиста, очень удобное для поездок по Диптауну. Даже не вешаю в гардероб – отпихиваю в угол, к кровати.

Подхожу к зеркалу, разглядываю свое обличье. Касаюсь лица ладонями, разглаживаю морщины, оттягиваю вверх уголки губ, распрямляю нос... Тянусь вверх, расправляю плечи...

Я уже не старик. Человек средних лет, человек как человек, даже с умными мудрыми глазами.

И все-таки это не то, что мне нужно.

Ощущение такое, будто я изъеден молью и припорошен пылью. Два года... они не прошли бесследно.

Можно влезть в сексапильную матерщинницу Луизу. Можно натянуть жесткую шкуру Стрелка. Можно даже втиснуться в Скользящего, как бы я ни ненавидел этот облик.

Все не то.

Они слишком долго меня ждали, преданные как собаки, бессловесные и готовые услужить. Они устали – старые маски дайвера Леонида.

Но мне нужна от них одна-единственная служба. Короткая, последняя...

Лезу в карман ветхого пиджака. Достая пейджер. Надо же... работает. На нем сотня записок, но самая свежая датирована весной этого года. Сбрасываю, не читая.

В отличие от реального мира в *глубине* пейджер – двусто-

роннее средство связи. Вывожу на экранчик лист контактов. Длинный-предлинный лист...

Огонек рядом с именем МАНЬЯК тлеет фиолетовым. Маньяк в сети, но очень-очень занят.

Чем черт не шутит...

Включаю передачу.

– Шурка, привет...

Представяться не надо – он и так увидит, от кого пришло сообщение.

– «Три поросенка», этой ночью... Буду ждать тебя восемь часов начиная с момента сообщения. Постарайся прийти.

Несколько секунд смотрю на экранчик – словно ожидаю немедленного ответа. Потом прячу пейджер в карман.

Пожалуй, это все, что мне нужно от прошлого.

– Стрелок, ты уж извини, – говорю я, доставая из его кобуры револьвер. – И вы все... извините...

Я отхожу на несколько шагов, прежде чем открыть огонь.

Шесть тел в шкафу – шесть зарядов в револьвере. Я гляжу, как вспыхивает, исчезая, тело проказницы Луизы, рассыпается пеплом романтик Ромео, сгнивает непредсказуемый Скользящий, превращается в пар вежливый Дон, облачком искр разлетается мудрый Элениум. Стрелок – последний. Я закусываю губу, прежде чем нажать на спуск.

Тело Стрелка дергается, как гальванизированное. И продолжает висеть.

Ну конечно же... от собственного оружия он защищен.

Надо было взять стилет у Скользящего или щепотку отравы у Элениума. Но теперь уже поздно.

А Протей, в чьем теле я нахожусь, убивает голыми руками. Со Стрелком этого я не смогу сделать.

Даже с собственным прошлым трудно расправляться без посторонней помощи.

Я колеблюсь секунду, потом снимаю тело Стрелка, подхватываю никчемного мотоциклиста, тащу их по коридору в свой нынешний номер. Когда отпираю дверь, на мгновение замечаю движение у лестницы. Замираю, вглядываясь в полумрак коридора.

Наверное, показалось.

Закидываю оба тела на кровать. Мотоциклист и Стрелок лежат лицом к лицу, ревниво вглядываясь друг в друга.

Все?

Да нет, пожалуй.

Выхожу, запирая дверь. Делаю несколько шагов, замираю, быстро оглядываюсь. Коридор пуст.

Показалось.

Возвращаюсь в номер 2017. Снимаю со стены картину... замираю на миг, глядя в нарисованный пейзаж.

В нем нет ничего особенного. Просто горы – неестественно высокие, но почему-то не вызывающие ощущения нереальности. На склоне, у обрыва, маленькая горная хижина. В высоком небе – редкие белые облака. Вот и все.

С картиной в руках я выхожу в коридор.

И в меня стреляют – в упор.

Звук выстрела глухой, не похожий на оглушительный грохот полицейских винчестеров, и уже это радует. А вот вспышка ослепляет. Я падаю навзничь, чувствуя тупую боль в груди. Перед глазами плывут цветные круги, тело вялое и непослушное.

Темная фигура склоняется надо мной, перед самым лицом тускло отсвечивает ствол пистолета с намернутым глушителем.

Давно меня не убивали. Пожалуй, с тех самых пор, как я окончательно умер...

– Это предупреждение. – Голос глухой, искусственный. – Ты понял?

Протей молчит, Протей оглушен, Протей ничего не в силах сделать...

– Ты слышишь меня? Эй...

Когда рука незнакомца касается моего плеча, я начинаю изменяться.

Когти вспарывают чужое тело, мощная лапа одним ударом выбивает пистолет. Через мгновение я уже стою – на всех четырех лапах, скаля пасть. Снежный барс – зверь не очень крупный, но дело не в размере.

Вот только я по-прежнему ничего не вижу! Цветные разводы, словно пытаешься запустить дип-программу на древнем компьютере со старой видеокартой. Дерганные, ломанные движения, едва различимый силуэт...

– Повторяю – это только предупреждение.

Ни малейшей паники в голосе. И это очень плохо.

Глубина-глубина, я не твой...

Я даже не снял шлем. И так понятно, что произошло. Экраны шлема заполнены расплывчатой, мутной, грубой картинкой. Шестнадцать цветов не в силах передать многокрасочный мир Диптауна адекватно. Находясь в *глубине*, я видел куда лучше, чем сейчас, – подсознание отчаянно отфильтровывало помехи, додумывало изображение.

deer

Ввод.

– Кто ты? – не то кричу, не то рычу я.

Карикатурная фигура разводит руками:

– Ты все понял?

– Нет!

– Думай...

Выстрел.

Беззвучный. Звуки умерли. Насовсем. Теперь я не только полуослепший, я еще и оглохший...

Тело Протея реагирует само собой – вспышкой огня. Барс исчезает, превращается в огненный вихрь. Теперь само мое прикосновение – смерть.

Вот только я не знаю, к кому прикасаться. Ничего не вижу, ничего не слышу... рвусь по коридору, раскидывая руки...

Кто бы ни стрелял в меня – он уже ушел.

Выполнив то, что хотел сделать, – ушел.

Я остаюсь посреди коридора – сотканная из огня, могучая и абсолютно беспомощная фигура.

Глубина-глубина, я не твой...

На экране теперь была полная неразбериха. Что-то малиново-желто-алое. А еще – в наушниках полная тишина.

Хорошо меня свалили. Качественно. Вначале выбили зрение. Когда не понял – выбили еще и слух.

Я дотянулся до системного блока и нажал «ресет». Машина недовольно пискнула, уходя в перезагрузку.

Поставив шлем на край стола, я повернулся, поглядел на часы.

Только половина первого. За дверью спальни – темнота, значит, Вика уже спит.

Экран выкинул положенные строчки БИОСа, голубой фон с облачками, потом – рабочий стол. Секунду я думал.

Потом достал с самого низа стойки DVD-диск. Вставил в дисковод. И снова перегрузил компьютер.

Вначале все как обычно.

Только на голубом небе нет облаков.

А иконки на рабочем столе – прозрачные, едва заметные. Иначе они закрывали бы лицо.

– Здравствуй, Вика, – сказал я.

– Доброго времени суток, Леонид. – Лицо на экране на-

хмурилось. Нарисованной Вике доступно немного эмоций. Радость, грусть, любопытство, сомнение. Все чисто и просто, все не так, как в жизни. — Значительные изменения аппаратной базы с момента последнего включения. Начинать адаптацию?

— Да, — подтвердил я.

Честно говоря, и не знаю, может ли Вика — мой индивидуальный пользовательский интерфейс — встроиться в «Виндоус-Хоум» новой версии. На бета-версии я ее пробовал, но это было почти год назад.

Вика на экране терпеливо ждала.

Я встал, отключил разъемы, прошел в ванную. Сунул голову под холодную воду. Опыянения уже не было, лишь ныло в животе и пересохло во рту.

Кто меня подкараулил? И главное — зачем? Безобидный обитатель Диптауна, грузчик в компании «HLD»...

Да кому я нужен?

Значит, нужен не я... нужен дайвер Леонид...

Тоже чушь.

Дайверов больше нет... доказано...

И вдруг я поймал себя на том, что улыбаюсь. Не важно, от кого получаешь подтверждение собственной ценности — от друзей или от врагов. Главное, что оно есть.

Так, наверное, может улыбаться списанный в запас по болезни солдат, получая повестку. Радоваться-то вроде бы нечему... ничего хорошего клочок бумаги не предвещает...

И все-таки!

– Я не мертв, – прошептал я отражению в зеркале. – Черт возьми... а я ведь не мертв...

Отражение шевельнуло губами, беззвучно повторяя слова.

Как замороженный я провел ладонью по холодному стеклу. Дурацкая улыбка на все лицо... пускай. Я взял старенький бритвенный станок, выдул в ладонь пены из баллончика, начал бриться. Медленно, аккуратно. Плеснул на лицо одеколоном. Постоял еще, стараясь придать лицу серьезность. Нет, ну чему я радуюсь? Тому, что меня отделали, как щенка?

– Кому же я наступил на хвост? – спросил я отражение. – А? Как думаешь?

...В холодильнике нашлись кола и сок. Я выпил сока, сушить рот ортофосфорной кислотой, добавляемой в напиток умными производителями, было совсем не с руки. Так... времени без четверти час. Или Вика подгрузила все свои файлы, или машина повисла.

Компьютер работал. Вика на экране улыбалась.

– Статус? – подключая разъемы, спросил я.

– Система стабильна. Ресурсы достаточны.

– Вход в сеть. Режим обычный. Личность номер три – «Протей».

– Выполнено, – с секундной заминкой. Оптоволоконная линия – это не гнилой телефонный кабель...

Я надел шлем. Откинулся в кресле.

Черт возьми... все как прежде...

Почти как прежде.

deer

Ввод.

* * *

Мотоциклист и Стрелок по-прежнему скучают на кровати. Я встаю с кресла, гляжусь в зеркало. Ага, Протей сохранил те изменения, что я внес. Мужчина средних лет с мудрыми глазами...

Подойдя к двери на цыпочках, словно это что-то меняет, я рывком распахиваю ее и прыгаю в коридор.

Предосторожности смешны и излишни. Там никого нет. Только валяется на полу пробитая пулей картина.

Поднимаю, смотрю на холст. Пуля прошла как раз сквозь нарисованную хижину. Вместо нее теперь – пятно размазанной краски, разложенной на шестнадцать оттенков.

Хижины больше нет.

Я отношу картину в номер, кладу на неподвижные тела. Выхожу, запираю дверь, спускаюсь. Можно взять напрокат мотоцикл или автомобиль, стоянка рядом с гостиницей, но лучше довериться «Дип-проводнику».

Поднимаю руку – из-за угла немедленно выныривает крошечная желтая машинка. За рулем – похожий на панка па-

рень, один из базовых типов программ-водителей.

– Ресторан «Три поросенка», – говорю я, садясь.

– Поездка займет три минуты. – Водитель отвечает с легким акцентом, напоминающим прибалтийский.

Машина трогается, и в этот миг у меня пищит пейджер. Нажимаю кнопку приема, уже догадываясь, кто отозвался.

– Хай... – глухо говорит Маньяк. – Я буду, жди.

Лаконично.

Показалось мне или нет, что в его голосе акцент не меньше, чем у водителя? Наверное, показалось. Всего-то год прошел.

Маньяк уехал в Штаты как-то очень вдруг. Многие ребята уехали... но обычно об их намерениях знаешь задолго. А Шурка оказался самым выдержанным – сказал, лишь когда у него был на руках билет в Сиэтл. Наверное, в советские времена так уезжали в Израиль евреи – скрывая до последнего.

А самое смешное, что я мог бы еще год этого и не знать. Как раз тогда мы с Викой переехали в Москву, и видеться мы все равно смогли бы лишь в *глубине*.

Впрочем, нет, не смогли бы. Ночью, когда я гуляю по виртуальности, у них день, и Маньяк работает. Виртуальность убирает расстояние, но никак не время.

Машина скользит по каким-то унылым переулкам, разок мелькают вдали башни «Майкрософта», потом мы выскакиваем на проспект и через несколько секунд притормаживаем возле ресторанчика.

Расплачиваюсь, выхожу. Стою секунду, глядя на здание. Вокруг многое изменилось – часть зданий снесли, другие перестроили. А ресторан остался неизменным. Эклектичное строение – на треть из камня, на треть из дерева, а треть – просто циновки.

Я понимаю, что самым умным был поросенок, строивший свой дом из камня. Я готов ему поаплодировать. Вот только самым хитрым, пожалуй, оказался младший, который обошелся соломенными циновками. К зиме-то он все равно перебрался под крепкую черепичную крышу, зато и лето провел в свое удовольствие.

Ухмыляясь, иду к двери в соломенной части ресторана.

Интересно лишь, что было после того, как мудрый старший поросенок приютил разгильдяев-братцев? Хозяйство у него было справное... пара батраков за кров и харчи никак не помешали бы...

Только у двери, уже протягивая руку, чтобы раздвинуть бамбуковую занавесь, я осознаю, что происходит.

Протей улыбается.

Я улыбаюсь.

С этой улыбкой на лице, ехидной, но все-таки улыбкой, я и вхожу в азиатский зал ресторана.

Шумно.

Я не был в «Поросятах» год. За это время, оставшись таким же снаружи, ресторан стал значительно больше внутри. В восточном зале появился бассейн, из крошечного камени-

стого островка в его центре тянется к потолку цветущая сакура. Столики вокруг частью старые, но добавились и новые. Официантов куда больше, и готов поклясться, что все они – живые люди, а не сервисные программы.

Попроситься, может быть, на работу? Хозяин наверняка возьмет, по старой памяти. Все не рояли таскать. Хорошая работа, с людьми опять же...

Подскакивает улыбающийся паренек в белом костюме. Лицо у него скорее корейского типа, чем японского или китайского, но проработано великолепно.

– Я один, буду ждать друга, – сообщаю я.

– Прошу вас...

Официант провожает меня к крутящемуся столику в углу, ловко убирает куда-то два лишних стула, ждет, пока я сяду, выкладывает на стол меню.

– Рисовый салат, темпура, sake, – не заглядывая в меню, говорю я. Сегодня не четверг, но будем считать, что у меня – личный рыбный день...

На лице официанта – сомнение.

– Если вы предпочитаете японскую кухню, я бы предложил вам пересесть...

Понятно, сам столик неправильный, скорее подходящий для китайского ресторана.

– Не беда, – отмахиваюсь я. – Мой друг скорее всего выберет китайские блюда. И пожалуйста, не перегрейте sake, я люблю чуть-чуть теплое.

Вежливый поклон, и официант убегает.

Какими гурманами мы становимся в *глубине!*

В реальном мире уминаем разваренные макароны и подгорелые котлеты из полуфабрикатов. А в виртуальности – то sake слишком горячее, то бифштекс пережарен...

Ну как здесь не получить дип-психоза...

Маньяка пока нет, уверен. Появится – сразу найдет меня, Протей – тело его работы, и наверняка имеет известные лишь ему метки.

Самое время посидеть и подумать.

Что я имею? Помимо пары устаревших дайверских тел, нескольких боевых программ, которые с натяжкой можно назвать эффективными, и растерянных контактов?

Нет... стоп. Не стоит перебирать арсенал, вначале надо понять, хочу ли я взять в руки ружье.

Что я имею? Рассказ Ежика, который меня чем-то неожиданно зацепил, и незнакомца, атаковавшего меня, едва я полез за всяким дайверским хламом...

Опять не то.

Зачем мне все это нужно – вот ведь в чем вопрос.

Пропустить мимо ушей услышанное в «Царь-рыбе» и принять к сведению предупреждение незнакомца. Вот и все. И никаких проблем.

Давно пора бросить никчемную работу в «HLD», заняться чем-нибудь полезным и выгодным. Ведь есть же какие-то навыки, умения. Дизайнеры и художники в *глубине* нужны,

особенно сейчас, когда она растет так стремительно, уже совершенно не реагируя на кризисы и беды реального мира.

Вот только...

Таскать нарисованные тяжести – это ответная насмешка над судьбой. Пользоваться ненужными более нигде дайверскими способностями таким образом... все равно как безработному музыканту играть на гитаре в переходе. Напоказ, демонстративно. Словно дожидаясь чего-то... удачи, признания, освещенной сцены над темным провалом зрительного зала... Как там пел гитарист? «Он делал то, чего не мог не делать, Раб и Бог цветного мела»...

А вот если музыкант достанет из шкафа пожелтевший диплом кулинарного техникума, наймется на работу в столовую по соседству с домом – он проиграл. Раз и навсегда. Он будет уважаемым человеком, а не никчемным нищим. Он будет сыт и более или менее обеспечен.

Вот только гитару в руки брать перестанет. Совсем. Даже по вечерам, когда придут друзья... уже не нищие музыканты, а нормальные, обычные люди.

Не хочу.

Я ждал этого мига два года. Ну... полтора. С тех пор как дайверы стали не нужны. С тех пор как я осознал, что становлюсь человеком без профессии. Я не знал, что станет приметой возвращения. Лишь одно понимал – не дай Бог ее пропустить.

Первым звоночком, тихим-тихим, был рассказ Ежика.

Я ведь его едва слышал. А раньше знал бы о случившемся с хакером Падлой одним из первых...

Но я слышал. Я прошел двадцать шагов по коридору, в давным-давно запрещенном себе направлении.

И был вознагражден – выстрелом в упор.

Известный исследователь *глубины* Андрей Недосилов может сколько угодно считать дайверов мифом.

Но кто-то другой так не считает – вот ведь в чем дело!

Если тебя еще считают опасным – ты живой. Трупы врагов пинают ногами, скидывают в овраги, оставляют на съедение шакалам. Но в мертвых не стреляют.

Я снова улыбаюсь, глядя на спешащего с подносом официанта. Я – дайвер. А дайверы не бывают бывшими. Я – живой.

...В двух метрах от столика паренек оглядывается в сторону кухни, запинаясь – и падает. Поднос взлетает вверх.

Глубина-глубина...

Нет, я не первый раз в японской части ресторана. И знаю, что никаких неприятностей не предвидится. Просто... просто мне так хочется.

...я не твой...

Картинка потеряла реальность. Я слышал чей-то испуганный вскрик, увидел, как паренек падает лицом вниз, быстро переворачивается, поднимает руки. Сейчас он подхватит два блюда руками, поднос подкинет ногой, вскочит, поставит на падающий поднос блюда, остановит поднос у са-

мой земли, превратив движение в сконфуженный поклон. Раскланяется посетителям, держа поднос в левой руке, а правую прижимая к груди.

Маленькое шоу на потеху обедающим.

Вот только я смешиваю ему карты.

Прыжок – это ведь так просто. Не игра, в которой приходится уворачиваться от выстрелов и падающих стен. Перелетев через официанта, я подхватил блюда в воздухе, а поднос локтем закрутил в воздухе. Обернулся и выполнил трюк официанта самостоятельно – по полной программе. Даже раскланяться не забыл.

Паренек лежал на полу, выставив руки. Сейчас выражения лица не понять.

deer

Ввод.

Официант поднимается, смущенно прижимает руки к груди. Потом начинает рукоплескать.

Молодец какой! Все равно превратил произошедшее в шоу.

Улыбаюсь, церемонно отдаю ему поднос, сажусь.

– Господин занимается кон-фу? – спрашивает официант, разгружая поднос.

– Немножко, – уклончиво отвечаю я. Вокруг шумно, посетители обсуждают случившееся. Наверное, меня сочтут подсадным. – Простите, у вас не будет неприятностей? Я понимаю, что выполнил ваши обязанности.

Официант ухмыляется. Похоже, он и впрямь не огорчен.
– Ничего-ничего. Даже интереснее. Сейчас я подам саке...

В кармане у Протея есть пачка сигарет, достаю и закуриваю, чтобы не есть под пристальными взглядами. Пусть все утихомиривается.

– Ты не в цирке подрабатываешь?

Я оборачиваюсь – и вижу Маньяка.

У него много тел, но узнать их довольно просто. Неприметность, если можно так сказать, вызывающая неприметность и обыденность. И какой-то общий темный фон. Ни разу не видел Маньяка блондином или рыжим, всегда темные волосы и смуглая кожа.

– Привет!

Жмем друг другу руки. Неизбежная натянутость, как всегда, когда давно не видишься. Маньяк садится рядом:

– Ты... снова?

Во взгляде Маньяка любопытство. Он в курсе всей ситуации с дайверами... не зря же предлагал мне помочь с работой – в Штатах или в России. Даже спрашивал, не хочу ли я заняться программированием... смешно. Старого пса новым трюкам не научишь.

– Нужна помощь, – сразу перехожу я к делу.

Подходит официант, я замолкаю, а Маньяк бросает:

– Юдзу хао мин, яйца с ветчиной, «Глаза дракона» и зеленый чай...

Официант с улыбкой удаляется. Меня начинает разбирать

любопытство. То, что Маньяк любит жареную лапшу, я помню, но вот к экзотике вроде тухлых яиц, змеиных потрохов и прочих субпродуктов он никогда склонности не питал...

– Что такое «Глаза дракона»?

Маньяк улыбается:

– Пирожные такие...

– А...

– Так что стряслось?

Молчу.

Шурка трет переносицу. Кажется, он и впрямь серьезно загружен чем-то своим. И все-таки я не отвечаю.

– Тогда – что нужно?

– Оружие, – отвечаю прямо.

– Это не ко мне. – Маньяк мрачно поднимает глаза. – Я ничего не делаю, давно уже.

– Как? Ты же работаешь в «Virtual guns»!

– В отделе защитных средств, – уточняет Маньяк.

– Шурка...

– Мне надо будет поискать, так сразу ничего не найду, – сдается он. – Пойми, у нас все закрыто, вытащить файл за пределы сервера компании – самоубийственное занятие.

– А подсказать, где найти, можешь?

– У тебя ничего не осталось?

Пожимаю плечами:

– Старье. Револьверы Стрелка. И это тело... Протей, конечно, тоже кое-что может, но...

Маньяк понимающе кивает:

– Ламеров пугать они могут... Дай бумагу. И ручку.

Протягиваю ему блокнот, Маньяк быстро пишет что-то.

– Вот.

Читаю, хмурюсь. Имя – Чингиз. Фамилии нет. Есть адрес... странный адрес. Пытаюсь понять, в чем дело.

– Ты же в Москве сейчас живешь? – Шурка явно удивлен моим недоумением.

– Да... Маньяк, а где это находится?

– Рядом с метро «Красные Ворота», если не ошибаюсь.

– Черт...

Словно лицом в грязь упал.

– Я бы решил, что у тебя дип-горячка, – бормочет Маньяк, берет мои сигареты, жадно закуривает. – Не будь ты дайвером... Блин, как курить хотелось! У нас на работе запрещено...

– Почему?

– Для охраны здоровья!

– Какой вред здоровью могут причинить виртуальные сигареты?

– Забыл, где я сейчас живу? – мрачно спрашивает Шурка. – Эти тупые, помешанные американцы...

– Никто не курит?

– Дымят, – злорадно отвечает Маньяк. – Жрут свои холестериновые гамбургеры, чавкая и давясь. Часами болтают по мобильнику. Задницы отрастили, каждый второй. Но за

здоровье борются, будь здоров! Как раньше мы за мир боролись, когда у нас танков было больше, чем во всем мире... Что Земля круглая они, пожалуй, почти все знают, но вот что на ней, кроме Америки, еще что-то есть, только догадываются. Достало...

Официант приносит его заказ, а мне – sake. На этот раз без показательных выступлений, хотя посетители поглядывают на нас с надеждой...

– Возвращайся, – не удерживаюсь я от иронии. Маньяк только хмыкает. Затягивается, откладывает сигарету:

– Так что случилось?

– Я сегодня полез за старыми телами. В общем-то просто так...

– Ну и?

– На меня напали.

Подробно рассказываю о случившемся.

– Полиция Диптауна, – однозначно решает Маньяк. – Отряд по борьбе с демонстрантами.

– Почему?

– Шоковые пули. Это наша разработка. И недавняя... они только поступили на вооружение.

– Какие от них последствия? Я получил два заряда...

– Никаких необратимых. Перегрузил компьютер и вошел в *глубину*. Специально для разгона митингов и несанкционированных выступлений. Оружие гуманное, но очень мощное. Действует практически на все видео и звуковые карты,

которые сейчас в ходу. Но их еще не использовали, приберегают для серьезных заварушек.

– А защита есть?

Маньяк молча кивает на записку.

– Понятно. Можно найти этого Чингиза в *глубине*?

– Найти-то можно. – Шурка улыбается. – Вот только это тебе ничем не поможет. Пока он не посмотрит тебе в глаза, на серьезный разговор не рассчитывай.

– Он поможет?

Маньяк кусает губы.

– Сошлись на меня. Скажи, я очень просил помочь. Но все еще будет зависеть от того, какое впечатление ты произведешь.

– Что ему можно говорить?

– Чуть меньше, чем мне. Но совсем чуть. Если вдруг... если вдруг сразу не признает... скажи, пусть вспомнит баржу на Васильевском.

– Баржу?

– Именно. Кораблик такой, ржавый и без мотора. Баржа. На Васильевском острове.

– Спасибо.

– Было бы за что... – Маньяк задумчиво поглядывает на меня. – Слушай, как ты вообще... это переносишь?

– Что?

– Ну... все случившееся с дайверами.

– А что тут переносить? – отвечаю я вопросом. – Мы бы-

ли, теперь нас нет.

– Брось уж... нет.

– Как дайверов – нет.

– Наверняка можно найти применение твоим способностям.

Соглашаюсь:

– Я ищу. Попутно с работой для одного знакомого, большого спеца по изготовлению каменных топоров и кремневых наконечников для стрел.

Маньяк кивает и переводит разговор:

– Ты слышал что-нибудь о своих коллегах?

Настораживаюсь. Непроизвольно. Я мог раскрыться перед ним, даже в ту пору, когда за дайверами охотились все более или менее крупные фирмы. Это – мое решение и мой поступок. Но – только мой.

– Немного. Ты же понимаешь, я почти никого не знал реально.

– Чем они сейчас занимаются?

– Чем попало. Кто-то программирует, кто-то работает дизайнером, а некоторые – в службе. Некоторые вообще ушли из виртуальности. Ты же понимаешь... она была для нас меньшим наркотиком, чем для обычных людей.

– А ты не слышал о Темном Дайвере?

– Нет... не припомню. Кто это?

– Хех, – вздыхает Маньяк. – Понимаешь... ходят такие слухи... несмотря ни на что, один дайвер ухитряется исполь-

зовать свои способности.

– Как?

Он пожимает плечами.

– Мне бы знать. Это все слухи, пойми. Может, и нет такого. Но, в общем... он занимается взломом, ничего особенного.

– Дайвер – взломом? – Я не верю своим ушам. – Сейчас? Как? Подожди... нет, я бы слышал.

– Попробуй узнать, – предлагает Маньяк. – Вдруг это правда? Тогда... сам понимаешь. Считай, что есть много-много работы для твоего приятеля, спеца по каменным топорам.

– Ты же теперь защиту разрабатываешь, – замечаю я. – Какая тебе будет радость от появления дайверов?

– Ну, я ведь не только на работе у компа сижу... – очень прозрачно уклоняется от ответа Маньяк. – А насчет защиты... появишься сейчас снова дайверы, знаешь, как рынок бы ожил? Тем более... как ценился бы специалист, немного знакомый с их методами взлома...

Мы обмениваемся понимающими взглядами, и мне начинает казаться, что два прошедших года куда-то делись.

– Саке будешь? – спрашиваю я, наполняя рюмку.

– Нет, что ты, мне еще полдня работать, – с сожалением отвечает Шурка.

– Так что ты можешь сказать про Темного Дайвера?

Ох уж эта его манера коротких ответов и недоговорок...

– Чингиза спроси. Я от него и слышал.

Хм. Какая интересная личность.

– Шурка, а ты что-нибудь знаешь про компанию «New boundaries»?

– Которую хакнули на днях?

– Пытались хакнуть вроде бы.

– Хакнули, да еще как.

– Темный Дайвер? – с любопытством предполагаю я.

– Нет, это Падла работал. Другок Чингиза, кстати. Хороший хакер.

Надеясь, что челюсть отвисла не слишком сильно, я смотрю на записку, по-прежнему валяющуюся на столе. Маньяк с удовольствием ест пирожные – шарики из полупрозрачного желто-зеленого желе и пьет чай.

Складываю записку, бережно прячу во внутренний карман пиджака.

Кажется, завтра... нет, сегодня, мне придется нанести визит. И не в *глубине*, в реальном мире.

– Шурка, а что там воровали? Серьезное что-то?

Маньяк пожимает плечами:

– Да Бог его знает... Какую-нибудь особенно эргономичную мышь, полагаю. С моторчиком и автопилотом. Или шлем с турбонаддувом. Или виртуальный комбинезон с шилом в заднице для имитации уколов шприцом... Это же компания безумная, делает всякий хлам для ламеров, нормальному человеку он в жизни не нужен.

– А зачем туда полез опытный хакер?

– Ленька, так, продать можно и полную ерунду, если она спросом пользуется. Вот только там защита оказалась хорошая... – Маньяк усмехается.

– Твоя? – догадываюсь я.

– Угу. Только Чингизу не говори, расстроится ведь человек.

– Падла погиб в реальности, – осторожно говорю я. – Действительно умер.

Шурка поднимает голову, внимательно смотрит на меня:

– Леонид, да ты что? Поверил?

– Говорят...

– Да они сами и пустили слух небось! Чтобы отвадить гостей. Уже сколько раз такие слухи ходили!

– Когда-то и вирусы, которые уничтожают железо, казались выдумкой.

Маньяк качает головой:

– Слушай... Леня... Ну ты словно первый день в *глубине*! У меня сейчас подруга – из отдела сбора информации. Все новости я первый узнаю. Поверь, если появится оружие, способное убивать из *глубины* по-настоящему, я узнаю раньше президента «Virtual guns»!

Я не могу ему не верить. И чувствую, как отпускает что-то, весь вечер сжимавшее грудь.

– Что за подруга-то?

Маньяк морщится:

– Да ничего... симпатичная. Только тупая как пробка. Верись – я ее трахаю, а сам плачу...

Я начинаю смеяться первым. Шурка мрачно смотрит на меня, морщится, словно вспоминая, что сказал. Потом тоже улыбается.

– Нет такого оружия, поверь. Компьютер убить – можно. Человека – фиг! Я бы первый из *глубины* смылся, появись такая штука.

– Почему? По улицам тоже ходить опасно, машина может сбить...

– Ленька, да представь, что начнется в *глубине*, если в ней можно будет убивать! Если каждый пацан, дорвавшийся до компьютера, сможет уложить обидчика – по-настоящему!

– Представляю, – говорю я. Мне снова не хочется смеяться.

– Под виртуальность ведь до сих пор нет нормальной юридической базы, – размышляет вслух Маньяк. – И даже обвинить в убийстве будет невозможно.

– Да не в этом дело, – говорю я. – Представь пьяного в *глубине*. Представь обкуренного. Подростка без тормозов. Психопата. Человека в депрессии. Когда не видно настоящей крови. Когда все как бы в игре. Мрак!

– Вот именно. Если такая штука появится, *глубине* – конец...

Маньяк морщится, словно вслушиваясь во что-то.

– Мне пора, Ленька. Обеденный перерыв кончился!

Я едва успеваю позвать ему руку – Маньяк кидает на стол деньги и выбегает из ресторана. Да, научила его Америка трудовой дисциплине. Это не Питер, где он порой забежал в обед ко мне пива выпить.

Наверное, и мне пора.

Надо поспать, хотя бы немного.

Расплачиваясь с официантом, я на миг складываю ладони, сцепляю пальцы... Это самый безобидный и простой «внешний» знак дайверов. Его знают даже начинающие. Уж очень ловко парень орудует с тарелками... быть может, тем же способом, что и я?

Официант не обращает на приветствие ни малейшего внимания.

Что ж, глупо было надеяться на иной исход.

Я проснулся около десяти.

За окном стучал дождь. Тихий, монотонный. В такой хорошо уезжать. Стоять в тамбуре, глядеть на мокрое окно, курить... И чтобы в купе сидели друзья... нет, лучше не друзья, а приятели, с которыми нужно пить, а не открывать душу. А на столике чтобы ждала первая из бутылок, а кто-то уже разворачивал бутерброды и раскладывал нехитрую закуску.

В такой дождь надо уезжать от любимой. Нет... не обязательно от любимой, вообще – от любви. Из любимого города, от любимой работы.

Хотя уезжать от любимой – это лучше всего.

Причем навсегда.

– У меня дип-горячка, – сказал я. – Слышите?

Некому меня услышать. У Вики ведь нет дип-психоза. Она пошла на работу, нормальную человеческую работу. А я остался, чтобы побродить по квартире, что-нибудь сделать по хозяйству... и нацепить серый пластиковый шлем.

Нет уж. Сегодня у меня другие планы.

Я должен найти этого типа, Чингиза. И получить от него то, что необходимо в *глубине*.

С этой мыслью я и соскочил с кровати.

Лег я около шести, и голова еще была совершенно чумная. Я прошел в ванную, стянул майку и трусы, забрался под душ,

повернул кран.

Вода хлынула ледяная. Совершенно. Чертыхаясь, я выключил воду. Не зря вчера перед домом шумел экскаватор и разрывали трубы.

Одна из самых больших радостей жизни – полусонному влезть под горячий душ, погонять температуру вверх-вниз, обтереться шершавым полотенцем.

И то не получается.

Летом я бы еще рискнул принять ледяной душ, но не сейчас, в промозглый холод.

Черт возьми, дело ведь даже не в гигиене, потерплю до вечера. Проснуться толком не получится, так и прохожу весь день полусонный!

Хотя...

В моем гостиничном номере в Диптауне тоже есть ванная комната.

Принять душ в *глубине*... замечательная идея...

И очнуться вечером, когда придет с работы Вика.

– Хрен, – коротко ответил я самому себе. Снова влез в ванну и с воплем облился ледяной водой.

Кажется, мне недавно хотелось спать? Судорожно растираясь полотенцем, я поискал в себе остатки сонливости и ничего не нашел.

Записка, врученная мне Маньяком, была распечатана и торчала из принтера. Молодец, Вика. Помнит, как надо поступать с информацией. Я оторвал листок, посмотрел.

Телефонного номера не было, только адрес. Чингиз жил в центре, у Красных Ворот. Это хорошо, добираться по прямой, и не слишком долго...

Я спрятал листок в карман и пошел одеваться.

Вот об этом надо было предупреждать...

Я постоял перед ажурными металлическими воротами, за которыми виднелась будочка охраны и два каменнолицых мордоворота в полувоенной форме. За будочкой – аккуратный, ухоженный сад, лишь дальше здание. Не очень высокое, этажей пятнадцать, зато такой причудливой формы, будто я не в Москве, а в Диптауне.

– Жаль, смокинг забыл, – буркнул я самому себе под нос. Чингиз, оказывается, «новый русский».

А я думал – хакер.

Я протянул руки к воротам – и те плавно, беззвучно распахнулись. На каменных мордах охранников проступили улыбки.

В конце концов!

Я подошел к будочке. На меня смотрели с любопытством, но здороваться не спешили. Никак я не походил на обитателя или гостя этого дома. Не заслуживал уважения.

– Мне в тридцать первую квартиру, – сказал я, украдкой заглядывая в бумажку.

Видимость вежливости со мной соблюдали.

– Вас ждут?

– Нет... наверное.

– Тогда – что?

Крепкие парни, и скучновато им тут. Весь день улыбаться нуворишам – щеки сморщатся. А тут пришло недоразумение в потертых джинсах и старой куртке, стоит без зонта под унылым дождем...

– Тридцать первая... – вдруг сказал второй охранник.

– А...

Рожи сделались кислыми. Так... похоже, в эту квартиру приходят разные гости...

– Как представить? – Охранник поднял трубку.

– Скажите, что пришел человек от... – Я запнулся. Нет уж! Сколько раз попадал в недоразумения, а сейчас и лицом в грязь уложить могут. – ...от Александра Летова.

– Ваше имя?

– Оно ничего не скажет.

Пожалуй, у охраны было свое мнение о процедуре, но тут на другом конце домофона ответили.

– Доброе утро, – отчеканил парень. – Проходная беспокоит. К Чингизу Сергеевичу посетитель. Да, пригласите, пожалуйста, будьте любезны.

Он ждал, косясь в маленький телевизор, по которому беззвучно шел футбол. Его напарник, развалившись на диване, смотрел в мониторы – видимо, по всему периметру здания камеры.

Я тоже ждал. Скрючившись под дождем.

– Чингиз Сергеевич? Проходная беспокоит... Да. Мужчины средних лет, обычной наружности, не представился. Сказал, что он от Александра Летова.

Когда охранник поднял голову, в глазах у него была искренняя радость:

– Какого еще Александра Летова? А?

– От Маньяка! – брякнул я.

– От маньяка, – сощурившись, повторил в трубку охранник. Его напарник чуть-чуть подобрался, рука легла на бедро. А кобура пистолета, кстати, открытого ношения... – От какого еще маньяка?

– Скажите, пусть вспомнит баржу на Васильевском острове в Питере! – отчаянно выкрикнул я, понимая, что сейчас мне светит КПЗ, а не квартира Чингиза.

– Он говорит про какую-то баржу на Васильевском острове... – Охранник замолчал. – Да. Понял. Спасибо, всего доброго.

Трубка брякнула об аппарат. С натужной благожелательностью в голосе охранник сказал:

– Пройдете по дорожке и налево. Третий подъезд. Охрана вас пропустит. Всего доброго.

С двумя буравящими взглядами в спине я пошел к зданию. Ощущение было такое, словно меня в последний момент помиловали и отвязали от электрического стула.

И не думал, что в обычной, реальной, московской жизни бывают такие захватывающие ощущения.

Может быть...

Нет. Нет. Об этом даже думать нельзя!

Если снова приступ...

Нет.

Это не *глубина*. Не виртуальное пространство, в котором блуждает мое сознание, возводя дворцы и руша города. Это обычная Москва, обычный дом миллионеров, обычная охрана.

Все в порядке, ничего страшного.

Сколько здесь было подъездов – не знаю. Может быть, всего три. По двенадцать квартир в каждом.

Внутри оказался еще один пост, тоже с двумя охранниками. Настолько похожими на парочку у входа, будто и в реальной жизни давным-давно создан типовой набор тел. «Новый русский», «бывший интеллигент», «бдительный охранник»... Вот эти – из третьего типа.

– Документы, – тоном, не терпящим возражений, сказали мне.

Пришлось достать паспорт и ждать, пока охранник, неумело тыча пальцами по клавиатуре, введет в компьютер мои данные. Кажется, он заполнил даже графу «пол» и «национальность».

Интересно, тут со всеми гостями так поступают? Не верю. Скорее сортируют по внешности.

– Нажмете двенадцать, – сообщили мне, наконец возвращая паспорт. – Лифт поедет до четырнадцатого этажа.

Лифтов было два. Как в обычном доме из «неплохих». Вот только здесь их было два на двенадцать квартир.

А почему четырнадцатый этаж, интересно? Тем более если нажимать двенадцать?

Часть квартир двухуровневые?

И к чему фраза о том, что лифт «поедет»? Неужели у них тут большую часть времени лифты стоят сломанные?

Сам лифт был таких размеров, что в нем хотелось установить джакузи. Сходство с ванной комнатой дополняли зеркальные стены и черный матовый потолок. На полу лежал ковер. Чистый.

А кнопок и впрямь только двенадцать. У каждой еще узкая прорезь, словно для магнитной карточки. Еще и на этаж не просто так поднимешься?

Но на нажатие двенадцатой кнопки лифт мягко пополз вверх. Откуда-то из стен заиграла мягкая музыка.

Черт, что я там делать буду, у этого Чингиза? Стоять в уголке холла и жалобно канючить запрещенные, классифицированные как оружие программы? Напоминать про какую-то баржу, где сам я и не был никогда?

Додумать не удалось – двери лифта открылись.

Прямо в квартиру!

В общем-то там был еще небольшой тамбур и могучая дверь, наверняка стальная под деревянной обшивкой. Но она была распахнута.

Я осторожно шагнул вперед, в холл. Квадратный, метров

семь на семь. Высоченный потолок венчался чем-то вроде стеклянной пирамидки, по которой барабанил дождь. Квартира и впрямь была двухуровневая, на второй этаж вела спиральная лесенка.

И никого.

– Эй... – позвал я.

Слово подходило к обстановке не больше, чем мои старые джинсы. Но какого-то эффекта я все-таки добился. Из одной из двустворчатых дверей мягко вышла собака, двинулась ко мне.

Обожаю золотистых ретриверов!

– Привет, пес, – садясь на корточки, сказал я. – А где же твой хозяин?

Ретривер обнюхал мою ладонь и вежливо позволил почесать себе за ухом.

– Может, ты и есть Чингиз? – предположил я. – Тогда привет тебе от Маньяка.

– Привет давай мне. А его зовут Байт.

Мужчина появился вслед за псом, и так же неслышно. Подошел, протянул руку:

– Чингиз.

Откуда родители выкопали ему это имя – не знаю. Может, у него и были где-нибудь далеко-далеко восточные, например татарские, корни. Но в общем-то он скорее на шведа походил. На образцово-показательного шведа. Высокий, крепкий. Светлые волосы до плеч, и тип лица северный. Загоре-

лый, но явно очень светлокожий. В спортивном костюме, вот только не в китайской подделке, а в настоящем «Адидасе», в кроссовках. Никогда не видел людей, которые по квартире ходят в кроссовках «Рибок». Впрочем, я и квартир таких не видел никогда.

– Леонид...

– А что охране не назвался?

– А чем бы это помогло?

– Логично. – Чингиз кивнул. – Не спешишь?

Манера сразу переходить на «ты» у него была настолько непринужденной, что никаких возражений не вызывала.

– Не очень...

– Ну и хорошо... Байтик, не приставай к человеку!

Пес вынул нос из моей ладони и обиженно побрел прочь.

– Что пьешь? – поинтересовался Чингиз. – Раздевайся, вешай все сюда.

Платяной шкаф в холле был размерами едва ли не с нашу прихожую. Я стянул куртку, пытаюсь привести мысли в порядок. Не просто крутизна – а очень большая крутизна. Откуда у Шурки такие знакомые? Да и какой он хакер, этот тип с воинственным именем и повадками крупного мафиози?

– Что пьешь-то, Леонид?

– Да все, что горит. – Я решил держаться до конца.

– Уже хорошо. Пошли на кухню пока.

Длинным и широким коридором, с картинами на одной стене и окнами в другой, выходящей на площадь у мет-

ро, мы побрели на кухню. Чингиз шел впереди, под мокрой от пота тканью костюма гуляли мускулы. Могуч. И беззаботен, по сравнению с царящей внизу паранойей. Вот достал бы я сейчас нож и всадил ему между лопаток.

Впрочем, будь я киллером, все равно бы так не поступил. Убьешь хозяина, а в квартире потом заблудишься. Будешь блуждать неделю, временами натываясь на источники воды – биде и писсуары, месторождения пищи – какие-нибудь шоколадные скульптуры под стеклянными колпаками...

Шоколадная скульптура на кухне и впрямь стояла, почти метровой высоты. Только без колпака. Мальчик-негритенок с веткой какао в руке. У мальчика было отломано одно ухо – видимо, кто-то очень проголодался.

Зато сама кухня как-то успокаивала... было в ней некое подобие привычного. Словно взяли обычную кухню, растянули по всем измерениям раза в два и успокоились. Ну еще заполнили пространства уютной мебелью из лакированного дерева, техникой, пакетами с едой...

А ведь очень по-холостяцки тут все. Один он живет, похоже.

– Коньяк для знакомства... не пойдет... – размышлял вслух Чингиз. – Водочку... напьемся.

Он пристально посмотрел на меня, кивнул, будто удовлетворенный чем-то.

– Точно напьемся... Пиво не хочу, хотя... Ты пиво хочешь?

Я разглядывал кухню, пытаюсь обнаружить на барной стойке в уголке пивные краны. И обнаружил. «Гиннесс», «Килкенни» и еще две какие-то марки...

– Если альтернативой будет вино или виски – то лучше пиво, – каким-то незнакомым голосом сказал я. Вспомнилась старая кинокомедия про мальчика, что в один миг стал взрослым, разбогател и поставил посреди квартиры автомат по продаже кока-колы, работающий от пинка...

– Решено, – согласился Чингиз. Подошел к холодильнику – таких же чудовищных размеров, как и все остальное тут. Открыл, порылся среди пакетов в блестящих обертках. Вынул несколько пластиковых подносиков с крошечными куточками сыра разных сортов. – А есть-то хочешь?

– Пока нет.

– И правильно. Открывай, не стой. Вон на столе нож валяется.

Пока я возился с сыром, Чингиз достал две здоровенные хрустальные кружки, вопросительно глянул:

– Что будешь пить?

– Чешское есть? – спросил я, втайне надеясь поставить его в тупик.

– Только «Пилзнер Урквел».

– Пойдет, – тоном человека, использующего лучшее в мире светлое пиво для мытья ног, согласился я.

С кружками пива в руках мы уселись в кожаные кресла, стоявшие перед барной стойкой.

– Прозит, – сказал я.

– Прозит, – согласился Чингиз.

Пиво было превосходным.

– А ты ничего, – вдруг заявил хозяин. Протянул руку, хлопнул меня по плечу. – Тебя это все не слишком угнетает?

Я еще раз обвел взглядом кухню, обнаружил еще одну милую деталь – лестницу вверх, на второй этаж, спросил:

– Там что?

– Столовая. Со стеклянной крышей.

Чтобы иметь стеклянную крышу в Москве, надо вначале обзавестись железобетонной. Я покачал головой:

– Даже боюсь предположить, сколько стоит твоя хата. Ее содержать, наверное, может лишь миллионер.

– К сожалению, – без малейшего позерства согласился Чингиз. – Значит, нормально?

– Шокирует... но – терпимо.

– Это хорошо. Когда люди начинают впадать в ступор, меня это смущает. А я очень, очень не люблю смущаться, Леонид... Так, как дела у Маньяка?

– Жив и здоров. Во всяком случае – в *глубине*.

– А где он сейчас обитает телесно?

– Сан-Франциско.

Чингиз кивнул. Проверял он меня незатейливо и не скрываясь.

– Как ты думаешь, он бы какое пиво предпочел?

– «Гиннесс».

– Сколько человек собралось на барже в первый раз?

– Не знаю.

Чингиз удивленно приподнял брови.

– Я там не был. Вообще не знаю, о чем речь идет. Маньяк велел напомнить о барже, если ты не вспомнишь его имени.

– Раньше его звали Тьма, – буркнул Чингиз. – Ладно. Какая помощь тебе нужна?

Все, церемонии кончились?

– Мне нужны боевые и защитные программы от «Virtual guns». Самые новые.

Чингиз пожевал губами, глотнул пива. Вид у него был такой, словно он с большей охотой подарил бы мне «мерседес», чем диск с программами.

– Чем ты живешь?

– Подсобной работой в *глубине*.

– Ты там не просто работаешь... ты там живешь. Но зачем тебе оружие от «вигов»?

– Обязательно отвечать?

– Да. – Чингиз отставил пустую кружку. – Ответишь – будут тебе игрушки...

– Тогда отвечу. Я и сам пока не знаю.

– Ну ты и жук, – с удовлетворением сказал Чингиз. – Еще вопрос... перепродавать будешь?

– Нет. Исключительно для личного пользования.

Чингиз молча полез в карман куртки. Я бы не удивился, достань он диск с программами. Но в руках Чингиза появил-

ся крошечный, с зажигалку размером, мобильник.

– Не думай, что я от жира с ума схожу, – косо глянув на меня, сказал Чингиз. – Действительно удобно...

Ну... у богатых свои причуды... Странно, конечно, звонить из дома по сотовому телефону...

– Пат? – буркнул в «трубку» Чингиз. – Отлипни от машины. Возьми мой подарок, сделай копию... Да. Именно. И спускайся в кухню.

Странно, конечно, звонить из одной комнаты в другую по телефону...

– У меня ощущение, что я в *глубине*... – сказал я.

– Признак дип-психоза, – коротко ответил Чингиз. Спрятал сотовый. – Возьмешь программы и уйдешь?

– Если выпустят, – усмехнулся я.

– Выпустят. Но я бы предпочел с тобой поговорить. Ты меня заинтриговал.

– Это взаимно. – Я поднялся, наполнил кружку пивом. – Тем более у меня к тебе есть несколько вопросов.

Чингиз протянул мне кружку:

– Ну спроси. Только налей чего-нибудь.

– Ты знаешь Падлу?

– Знал, – лаконично отозвался Чингиз.

Значит, все-таки Ежик был прав. А Маньяк ошибся...

– Он ломал «New boundaries»?

– Да. – Чингиз явно ничего не опасался. Впрочем, человек, живущий подобной жизнью, вряд ли имеет проблемы с

полицией Диптауна.

– Чингиз, мне надо узнать про это подробнее...

– Ты хакером решил стать, Леонид? – Чингиз усмехнулся. – Или пишешь книгу о жизни великих хакеров?

– А Падла великий?

– Не будь он самым ленивым, стал бы самым великим.

– Никогда о нем не слышал, – не заметив, что выхожу из образа никчемного обитателя Диптауна, сказал я.

– Леонид, те, о ком все слышали, – не хакеры. Хакер работает во тьме и в одиночку. Хакер не оставляет следов.

– Ты – хакер?

Чингиз засмеялся:

– Был. А вот кто ты такой... хотел бы я знать. Моя очередь задавать вопросы, не находишь?

Я кивнул. Но задать вопрос Чингиз не успел.

– Чинга...

Мы повернулись к дверям.

– Вот диск...

Пацан был полной противоположностью Чингиза. Неуклюжий тинэйджер, смуглый, черноволосый, угловатый, с мрачным, насупленным лицом. В вытертых джинсах и белой футболке.

– Дай Леониду диск, – сказал Чингиз. – Надеюсь, он чистый?

– С софтом... – Паренек с видимой неохотой подошел и протянул мне диск.

– Пат, я имею в виду закладки. Мы не будем следить за Леонидом, и все, что записано на диске, сработает правильно. Договорились?

Мальчишка мрачно посмотрел на Чингиза. Тот ухмылялся. Это походило на какую-то давнюю, привычную обоим игру.

– Я сейчас... проверю... – Пат убрал руку с диском за спину.

– Так будет лучше, – спокойно сказал Чингиз. – Договорились?

– Ты мне обещал этот софт! – вскинулся мальчишка. – Только мне!

– Обстоятельства изменились. – Чингиз вовсе не выглядел смущенным. – Я обещал одному человеку выполнить любую его просьбу. И обещал давным-давно, когда ты еще писал в штанишки.

По взгляду тинэйджера я понял, что за этого гнусного «человека» он принял меня.

– Понятно... – по-прежнему держа руку с диском подальше от меня, мальчик подошел к стойке, взял какой-то бокал, наполнил его «Гиннесом» и вышел из кухни.

– побыстрее! – крикнул вслед Чингиз.

– Ему не рано? – растерянно спросил я. Мальчишке было от силы лет тринадцать.

– Пиво пить? А как я могу запретить? – Чингиз выглядел удивленным.

– Ну...

– Я ему не папа и вообще не родственник... Ладно, вернемся к тебе, согласен?

– Да. – Я прикусил язык и решил, что выяснять что-либо о Чингизе, Пате, происхождении этой чудовищной квартиры или отношениях проживающих в ней лиц не стану. Себе дороже.

– Кто ты?

– Леонид...

– Паспортные данные можешь оставить при себе. Захочу – и так выясню. Кто ты?

Я сделал глубокий вдох, прежде чем ответить:

– Дайвер.

Чингиз задумчиво изучал пену на дне кружки. Ничего интересного не обнаружив, спросил:

– Бывший дайвер? Настоящий? Не верю.

Надо же! Не все ему удивлять меня.

– Дайверы не бывают бывшими.

Он помолчал.

– Ты работал вместе с Маньяком?

– Иногда. Он помогал мне в технических вопросах. Оружие... и защита...

– И сейчас работаешь снова?

Я промолчал. Не хотелось говорить, что работы у меня давным-давно нет... и вряд ли будет.

Да он и сам это должен понимать...

– Не совсем.

– Хорошо, пытаться не буду... Тебя кто-то нанял?

– Нет.

Чингиз встал, прихватив и мою пустую кружку. Мне налил «Урквела», а себе «Гиннесса».

– А что же тогда?

– Мне интересен один вопрос, и я собираюсь его выяснить.

– Хорошие у тебя ответы... информативные, как инструкция по пользованию туалетной бумагой. Допустим, это не мое дело... я обещал Маньяку, и я выполняю обещанное. Пат сейчас принесет диск... – Чингиз бухнул на стол кружку, наклонился, заглядывая мне в глаза. – Но тебе ведь еще кое-что от меня надо? А? Я прав, дайвер?

– Прав.

Взгляд у него был пронзительный. Не угрожающий, не давящий, а именно пронзительный.

– Тогда решай, что хочешь узнать и что за это отдашь.

Я помедлил секунду.

– Чингиз, где у тебя ближайший туалет?

Хозяин усмехнулся.

– Рядом. Три метра по коридору. Сходи подумай.

Он был не совсем прав. Я не пытался тянуть время, говорить все равно придется. Чингиз располагал той информацией, которая нужна мне, и самое главное – информацией из реального мира, а не из *глубины*.

Мне действительно нужно посетить это заведение!

Дверь в нужник тоже была складывающаяся, «ширма», из дуба и матового стекла. Я вошел и даже не удивился интерьеру.

Нежно-розовый, как мечты нимфетки, кафель. Потолок из черных зеркал, как реальное воплощение этих самых мечтаний.

Не просто сортир, а совмещенный санузел... как неуклюже здесь звучит термин совковых времен! Гигантский унитаз... баскетболисты, что ли, в гости заходят? Биде. Писсуар... боже ты мой, действительно – писсуар в квартире! Чуть в стороне, под окном, наискось, как в мансарде, смотрящем в небо, – треугольная джакузи. Полная, с бурлящей водой.

В полной готовности увидеть внутри ванны живого крокодила или человеческий труп я склонился над джакузи.

Реальность оказалось одновременно и приземленнее, и удивительнее.

Джакузи оказалась заполнена зелеными пол-литровыми бутылками. Этикетки давно отклеились и крутились в пузырящихся струях. Опустив руку – вода оказалась ледяной, – я выловил одну.

«Жигулевское».

Староватое, кстати... завтра срок годности истекает...

Я сошел с ума. Точно, сошел. Это даже не дип-горячка, это шизофрения. Подобный дом можно найти в *глубине* – но не в центре Москвы!

Или же я в виртуальном пространстве. До сих пор. Я не вышел из *глубины*, я придумал этот выход. Сейчас утро, Вика давным-давно ушла на работу, а я сижу перед машиной, и оцепеневшие пальцы скользят по дорогой сенсорной клавиатуре... подаренной Викой на Новый год...

Мне лишь показалось, что я вынырнул. Лишь показалось. Как уже было однажды...

– *Глубина-глубина, я не твой...* – прошептал я. – *Отпусти меня, глубина...*

Ничего не происходило. Но это ничего не значит. Последние два года – ровным счетом ничего.

Успокоиться. Первым делом – успокоиться.

Губит не *глубина*. Виртуальный мир бесстрастен, он лишь отражает то, что внутри нас. Ничего страшного не происходит...

К тому же у меня есть способ проверить, где я нахожусь.

Достав из кармана перочинный ножик, я открыл маленькое, отточенное лезвие. Закатал рукав рубашки.

Так... самым кончиком... Но как не хочется этого делать...

Примерившись, чтобы не зацепить вену, я резанул руку. И взвыл.

Как больно-то! Особенно когда сам себя режешь.

Зализывая царапину, неглубокую, но кровоточащую, я вытащил из заднего кармана джинсов пакетик с пластырем. Вполголоса матерясь, залепил ранку.

Это не *глубина*. Боль была слишком сильной, меня должно было выбросить из виртуальности. Это реальный мир и реальная квартира. Тут просто живут психи.

Подойдя к писсуару, я все-таки сделал то, ради чего пришел. Поплескал в лицо холодной водой, мрачно посмотрел в зеркало на свою физиономию. Красные глаза, легкая небритость... теперь понятно, почему меня так не желали пропускать. А еще понятно, почему Чингиз легко опознал во мне постоянного обитателя виртуального мира...

Хозяин по-прежнему пил пиво на кухне. Наверное, я его здорово развлекаю своим появлением.

– Я готов говорить, – сказал я, садясь.

– А я готов слушать.

– Вчера я узнал, что хакер, известный как Падла, взломал компанию «New boundaries», занимающуюся разработкой компьютерной периферии...

Чингиз кивнул. Уже хорошо.

– Его взяли, – продолжил я. – Охрана фирмы оказалась неожиданно хорошей, и хакер влип.

– Было дело, – легко согласился Чингиз. – Я полагаю, там Маньяк силки ставил. Его почерк.

Я торопливо продолжил, уходя от скользкой темы:

– Охрана взяла след взломщика и убила его при попытке уйти. Но все дело в том, что хакер погиб и в реальном мире. Это может означать... если мы отвергнем невозможные совпадения, а их стоит отвергнуть... Это означает, что кем-то

разработано и поступает на вооружение виртуальное оружие третьего поколения.

– А третьего – это как?

Странный дружок Чингиза стоял в дверях. Снова с диском, теперь уже, вероятно, не содержащим ловушек.

– Я ведь тебе объяснял, – лениво сказал Чингиз. – Первое поколение виртуального оружия уничтожает твои программы. Второе, которым имеет право пользоваться только полиция, – может убить и машину. Перегрев процессора, стирание или перешив БИОСа, прожигание монитора...

– Да знаю я, не тупой, – огрызнулся мальчишка. Милые у них отношения. – Ты про третье поколение ничего не говорил!

– А его просто не существует, – ответил Чингиз. – Это фантастика. Оружие, которое убивает человека из виртуального пространства. Все это ерунда. Писанина желтой прессы, вроде «Птички кар-кар».

– Но ведь хакера убили, – возразил я. – Имеется труп. И это реальность.

– Пат, отдай человеку диск, – велел Чингиз. – И поднимись в столовую. Там на полу валяется тело. Глянь, не слишком ли оно протухло, и пни пару раз в бок.

– Прямо так и пнуть? – у тинэйджера вспыхнули глаза.

– Да, это моя просьба. И ответственность на мне.

Пацан просиял. Сунул мне в руки диск, которым так не хотел делиться, и бросился вверх по лестенке.

Я ошарашенно посмотрел на Чингиза.

Нувориш ухмылялся. Нувориш лениво поднялся, взял со стойки бара хрустальную пепельницу, наполовину засыпанную окурками, пачку сигарет и массивную зажигалку «Ронсон». Нувориш прикурил и лениво перекинул пачку мне.

Я автоматически достал сигарету, щелкнул зажигалкой... и едва ее не выронил.

Сверху, из столовой «со стеклянной крышей», раздался рев.

– А тело-то еще способно на какие-то реакции... – меланхолично сказал Чингиз. – Это хорошо. Это радует.

Так и не прикурив, я отложил сигареты.

Наверху что-то падало. Донесся детский визг, пронзительный, как звук кабельного модема, коннектящегося на 115200 бод, падение чего-то тяжелого и чего-то бьющегося. Повторился утробный рев.

– Там... ничего не случится? – спросил я. Особой симпатии к Пату я не испытывал, желания поглядеть на человека, умеющего так орать, – тоже, но все-таки ребенок...

– Все, что могло биться, там уже разбилось. – Чингиз печально покачал головой. – Кроме потолка, но там стекло бронированное.

На лестнице послышался топот, тонкие деревянные перила задрожали. Вначале я увидел две пары ног. Одни принадлежали Пату и доставали до ступенек лишь эпизодически. Вторая пара была босой, голой и обросшей рыжеватой шер-

стью.

Через мгновение «тело» появилось полностью.

Это был кражистый мужик среднего роста, лет сорока, наверное. Его пропорции удобнее всего было бы вписать в квадрат. Короткая шея была скрыта могучей бородой, баки тоже вызвали бы трепет у парикмахера. Зато голова оказалась совершенно лысой.

В довершение всего новое действующее лицо пьесы абсурда оказалось одетым лишь в черные сатиновые трусы до колен. Впрочем, где-то на поросшей шерстью груди запутался маленький крестик, а выпученные глаза прятались под очками в тоненькой золоченой оправе.

– Чинга!!! – от рева здоровяка в кружках заколебалось пиво. – Ты велел Пату меня пнуть?

– Велел, – без особого страха сообщил Чингиз. – Два раза. Он послушался?

– Он? – Мужик посмотрел на свою правую руку, в которой болтался Пат. – Он послушался. На редкость дотошный мальчишка. Обычно пнуть меня второй раз не получалось... ни у кого. Что ты за него хочешь?

– Твой ноутбук, Падла.

Я не удивился, конечно. О каком теле идет речь, я догадался сразу. Вот только поверить в удачу было трудно.

Хотя можно ли назвать встречу с этим типом удачным знакомством?

Падла задумчиво смотрел на молчавшего Пата. Я успел

даже удивиться такой выдержке пацана, прежде чем заметил, что тот намертво вцепился зубами в волосатую руку хакера.

– Нет... он того не стоит, – сообщил Падла, стряхивая пацана. Пат, оказавшись на полу, тут же отпрыгнул в сторону и стал отплевываться.

– Хотя с гостем поздоровайся, – предложил Чингиз.

Падла медленно перевел взгляд на меня. Крякнул. И заговорил почти нормальным, только чуть громким, голосом:

– Прошу прощения. Моя излишне эмоциональная реакция вызвана ранним и несколько необычным пробуждением.

Я встал, уже не пытаюсь осмысливать происходящее:

– Леонид...

Падла аккуратно, явно соизмеряя силу, пожал мне руку:

– Падла. Вы позволите?

– Что? Да...

Хакер взял мою кружку, сделал глоток. Скривился.

– Опять пьете помой... Чинга, сволочь, так какого хрена ты велел пацану меня пнуть? Тем более два раза!

– Так ты же труп, Падла. Тебе не больно. А еще... – раскинувшийся в кресле Чингиз кивнул насупившемуся Пату, – Пат давно любопытствовал, проснешься ты от пинка или нет...

Мальчишка юркнул за его кресло с удивительным проворством. Но Падла, похоже, не спешил за ним гоняться.

– Почему – труп? – почесывая грудь, спросил он.

– Тебя убили. В виртуальности, из оружия третьего поко-

ления. И ты умер по-настоящему.

Чингиз рассмеялся. Но Падла веселиться не стал:

– Убили, – подтвердил он. – И умер. Только не я.

Отставив мой опустевший бокал, он вышел в коридор. Через мгновение загремели извлекаемые из джакузи бутылки.

Я глянул на Чингиза и Пата. У мальчишки лицо было радостное и возбужденное. У Чингиза – каменное.

– Значит – фантастика? – спросил я.

Когда хакер вернулся из ванной, он уже был слегка одет. В роскошный халат, правда, слишком длинный и узковатый в плечах, явно принадлежащий хозяину. На ногах образовались тапочки – совсем уж маленькие, пятки и часть ступни торчали наружу.

В каждой руке Падла держал по две бутылки «Жигулевского».

– Ты опять охлаждал пиво в джакузи? – риторически спросил Чингиз.

– А фиг ли... – буркнул Падла. – В холодильнике трудно добиться идеальной температуры. Только проточная вода придает пиву вкус.

– И мой халат надел...

– Жалко? Скурвился совсем? – подтянув поближе к нам еще одно кресло, хакер уселся, закинув ногу за ногу. Пальцами содрал с бутылки пробку, жадно припал к пиву.

– И мои тапочки одел! – пискнул Пат.

– Тю-тю-тю! – передразнил его Падла. – Кто ел из моей чашки, кто сидел на моем стульчике, кто форматнул мой винт... И не одел, а надел! Грамотей хренов!

– Падла, не заговаривай зубы, – довольно спокойно сказал Чингиз. – И не ругайся при ребенке, пожалуйста.

– Если б ты слышал... – Падла запрокинул бутылку, опо-

рожнил до конца, поставил под стол, – что этот ребенок мне сказал вчера вечером...

– Вечером, ха! – возмутился Пат. – В полтретьего! Ты пришел пьяный в задницу!

– Видишь? – Падла вскрыл вторую бутылку.

– Слышу, – кивнул Чингиз. – Пат, язык с мылом будешь мыть.

– А он пьяный был! И пытался... – мальчишка замолчал на миг, словно подбирая слово, – проститутку протащить! В сумке!

– Что серьезно? – восхитился Чингиз. – Прямо в сумке?

– Да!

– Ябеда, – отставляя бутылку, ответил Падла. – Предатель, блин. Ну хорошо, мои руки, блин, развязаны. Рассказать, куда ты ходил в Диптауне на прошлой неделе? И чего там делал?

Пат часто задышал. Очень неуверенно возразил:

– Ты не знаешь. Не можешь знать.

– Знаю. Что, рассказать?

– Я все твои скрипты вычистил!

– У-тю-тю. Вычистил. Когда все вычистишь, я тебе свой ноутбук подарю.

Пацан и взрослый уставились друг на друга с таким видом, будто были готовы схватиться за ножи. Господи, они оба психи! Причем малолетние!

– Врешь, – упрямо сказал Пат.

– Пошли. – Падла поднялся, подошел к Пату, сгреб того в охапку. – Одного троянца я тебе сдам. Для примера. Дальше сам ищи.

– Падла, ты уходишь от разговора... – напомнил Чингиз.

– Три минуты, – удаляясь с пацаном под мышкой и бутылкой в руке, ответил хакер. – В целях уменьшения спеси и воспитания уважения к старшим.

– Придется подождать, – вздохнул Чингиз. – Я не рискну его останавливать, Леонид. Да, пива налить?

– А почему Падла пьет «Жигулевское»?

– Ему нравится. Простой ответ, да?

Я молча взял кружку. Четвертую по счету. Если выпить столько «Жигулевского», то уже стало бы неудобно.

– Падла подтвердил, что кого-то убили, – сказал Чингиз. – Так что... попрошу прощения за недоверие. Пока Пата нет. А то он разозлится, что ты оказался прав, а я нет.

– Ничего. Мне тоже было трудноверно поверить.

– Какие последствия ты видишь, дайвер?

– Смерть из *глубины* – это смерть *глубины*.

– Не факт.

– Подумай сам. Диптаун всегда был вольной территорией. Миром с особыми законами, своей моралью, собственной культурой. Отношение к преступлениям здесь было своеобразным. Мы привыкли, что можно заткнуть собеседнику рот боевой программой, что взлом чужой машины не преступление, а искусство, что подделка кредитки – повод похвастать-

ся перед друзьями.

– Убийство – это другое. Если знаешь, что твой выстрел не машину подвесит, а остановит чье-то сердце...

– Чингиз, скажи, ты бы дал оружие третьего поколения Пату?

– Я еще не рехнулся.

– А сколько таких вот подростков бродят по Диптауну?

– Вряд ли каждый пацан сумеет добыть...

– Падле бы доверил? – спросил я.

– Вот тут не суди быстро. – Он покачал головой. – Падле можно ядерную кнопку доверить. Впрочем, он и так к ней доступ имел, пусть без ведома президента.

– Чингиз, у тебя есть охрана?

Хозяин усмехнулся.

– Допустим.

– Понятно, что есть. В той или иной степени. И наверняка есть враги.

– Враги есть у всех. Без этого скучно жить. Да и вообще... некоторые враги могут быть таким же предметом гордости, как и друзья.

– Ты ведь ходишь в *глубину*? Если кто-то решит тебя заказать? В реальности – это одно. Чревато неприятностями. Ответным ударом. А вот что можно противопоставить выстрелу в *глубине*? Где и следов никаких не останется? Где не работают обычные законы. Где...

– Все я понимаю. – Чингиз махнул рукой. – Хватит, уго-

ворил. Я лишь не хочу принять происходящее.

– Я тоже. Потому и дергаюсь.

– Думаю, поздно. Любая появившаяся программа становится доступной всей *глубине*. Вопрос времени.

Вернулись Падла и Пат. Мальчишка брел следом за хакером, и вид у него был такой, словно он только что получил ремня.

– Кто выиграл в споре? – спросил Чингиз.

– Это нечестно! – вскинулся Пат. – Там терминал был встроен в антивирусную программу! Которую Падла мне сам дал! Для защиты от других хакеров!

– Я дал, ты проверь. – Падла спрятал пустую бутылку под стол, открыл последнюю. – Пива притащи.

– Нечестно! Ну это же нечестно! – продолжал кипятиться Пат. – Ты меня обманул!

– В чем? Программа тебя защищала? Еще как. Какие претензии-то? То, что друзья дали, в первую голову проверять надо! Тащи пиво!

– Рассказывай, Тоха. Хватит веселиться. – Тон Чингиза вдруг неумовимо изменился. – А ты, Сашка, принеси ему пива.

Стоило хозяину перейти с прозвищ на имена, как поведение безумной парочки изменилось. Пат закрыл рот и пошел за пивом. Падла вздохнул, погладил бритую голову.

– Я есть хочу, Чинга...

– Рассказывай, а я тебе сосисок сварю.

– Да хрен ли их варить, поддержи в микроволновке, чтоб лед растаял!

– Как скажешь. Говори. – Чингиз поднялся, подошел к холодильнику, извлек оттуда длинную гирлянду сосисок.

– У меня заказ был, на взлом. – Падла пожал плечами. – Ничего особенного... кроме заказчика.

Пришел Пат, прижимая к груди охапку мокрых бутылок. Падла, не прекращая рассказывать, стал выставлять их на стол.

– Короче... как он на меня вышел – не знаю. Колоться не стал. Ты же знаешь, я человек простой, рекомендаций не требую, если заплатить хотят.

– Вот и зря, – запихивая сосисочную плетъ в микроволновку, сказал Чингиз. – Как вышел? В реале или в *глубине*?

– Да в ней, в родимой... Сидел я в Диптауне, в одном кабаке. Подошел. Выложил все как на духу. Оказалось, он дайвер...

У меня заколотилось сердце.

– А, так это и есть заказчик? – стоя у гудящей микроволновки, сказал Чингиз. – Я не соотнес обе истории... Давай, продолжай.

– Сашка, переодень майку, ты весь мокрый, – посоветовал Падла мальчишке. Вскрыл очередное пиво. Вдохнул: – Да там поначалу... яйца выеденного дело не стоило. Взлом, копирование, уход... чистый уход, даже без закладки скриптов на будущее. Процент с вырученных денег, ну и полштуки зе-

ленных в любом случае.

– Ты уверен, что этот человек – дайвер? – спросил я.

– Да, вполне. Он мне продемонстрировал все их штучки... вход-выход по команде, нечувствительность к боли, еще кое-что...

– Падла, ты понимаешь, он ведь мог просто сидеть у компьютера, не запуская дип-программу...

– Не мог. Что я, дайверов не видел? Или тех, кто пытался по *глубине* без *дина* ходить? Дайвер это был. Ему надо было взломать «New boundaries», а там работа для хакера, не для дайвера.

– Для дайверов больше нет никакой работы, – сказал я. – Они никому не нужны.

– Этот как-то приспособился. – Падла пожал плечами. – Он не на исповеди был, так что деталей не расскажу... Вот... поговорили мы. Сошлись на цене, на условиях. Я провел разведку – защита была стандартная, ничего особенного. Их и грабить-то никто смысла не видел. Только этот, дайвер малахольный... позарез ему был нужен проект «Sweet immersing». Он состоял из двух разделов: «Deep box» и «Artificial nature». Лучше было добыть оба, но в крайнем случае заказчик согласен был и на «Artificial nature». Особо подчеркнул, что эта часть сведений – важнее. Ну я и пошел. Взял с собой паренька одного и пошел.

– Что за паренек? – заинтересовался Чингиз. Микроволновка наконец прекратила гудеть.

– Ты его не знаешь. Наивный, неумелый, но упорный. Все просил в ученики взять. Думал, я учеников чему-то хорошему учу...

Пат захихикал. Но Падла глянул на него так, что мальчишка мгновенно замолчал.

– Мертв он уже, – резко сказал хакер. – Достал меня своим упрямством... я и решил взять парня на взлом. Опасностей не предвиделось, а я хоть увидел бы его в деле.

– И что стряслось? – Чингиз покусывал губы. – Падла, не тяни ты, ради Бога!

– Бога не рожу, а тянуть не стану, – мимолетное богохульство Падла сопровождал вскрытием очередной бутылки. – Общую защиту компании мы прошли чисто. Кое-что паренек сам вскрыл. Кое-где я помог... задатки у него были, хоть и невысокие. У нас были заготовлены тела сотрудников фирмы, все их пароли, в общем... нормально. Без проблем дошли до кабинета «Sweet immersing», и право на доступ у нас было. Никаких, блин, проблем не предвиделось! Я потому и остался в коридоре, он вошел – ему три минуты требовалось на извлечение файлов. Он их достал и уже почти получил оперативный доступ, когда сработал еще какой-то скрипт.

– Как это выглядело? – спросил я.

– Стальная дверь, опустившаяся из потолка. Окна, видимо, так же перекрыло. Визг сирен, охрана... все как положено. Защита двойная была, и от хакеров, и от дайверов. Дайвер бы сдох.

– Хакер тоже погиб, – напомнил я.

– Не сразу, Леонид. Я его вытащил.

– Как?

– Дверь взломал. – Падла ухмыльнулся. – Пацан хоть запаниковал, но трансфер файлов до конца довел. Вот только у меня времени не было забирать данные. Я пробил выход прямо на улицу и стал напарника прикрывать, чтобы уйти успел. Он сразу и рванул... глаза вытаращил и ходу... испугался, наверное.

– Откуда ты работал? – полюбопытствовал Пат.

– Из дип-кафешки одной. – Падла глянул на мальчишку. – Сбегай, курево притащи...

– Ты пока не рассказывай только!

Едва Пат скрылся на лестнице, как хакер быстро сказал:

– Дурака я сваял. Увлёкся. Первая волна охраны была от самой фирмы. Салаги. Три живых человека и два десятка программ. Я увлёкся. Надо было уходить вслед за пацаном, забрать данные да и разбежаться, а мне пострелять захотелось. Как в тире, смех один...

Вернулся Пат. Падла забрал у него пачку «Беломоркана-ла», извлек папиросу и тем же тоном продолжил:

– Никакого выхода не было, кроме как стоять до последнего. Первую волну я отбил. Человек тридцать положил... Чего уставился, Пат?

Мальчишка, горящими глазами взирающий на него, отчаянно замотал головой.

– А вот дальше все стало плохо, – вздохнул Падла. – Откуда-то появилось охраны в два раза больше. Часть кольцом вокруг здания встала, часть на меня... Пат, а спички?

– Тут ведь есть зажигалка! – пискнул мальчишка.

– Я от газа не прикуриваю! Это опошление святой идеи Вечного Огня! Прикуривать надо от спичек, блин!

Пат снова пулей метнулся вверх по лестнице. И Падла, понизив голос, уточнил:

– Семь человек их было. Все живые, а не *боты*. Мои программы их не брали.

– Совсем? – удивился Чингиз.

– Просто абсолютно. Даже не оглушали. Не знаю, откуда такая защита, но я словно голый перед танками оказался.

Вернулся Пат, на ходу открывая коробок, чиркнул спичкой, поднес Падле. Хакер прикурил, снисходительно кивнул. Допил очередную бутылку и сказал:

– Поиграл я и с этими ламерами, что уж тут... Ну и ушел, тихо и мирно...

Пат счастливо засмеялся. Он сидел от Падлы сбоку и не заметил той гримасы, что скорчил хакер.

– А паренька догнали. Через пять с половиной минут. На площади Билла Гейтса. И расстреляли. Народ поглазел и разошелся, тело уволокли в экспертизу.

Кулак Падлы вдруг хлопнул по столу.

– Ну откуда ж мне было знать, хрен моржовый! Откуда мне было знать, что третье поколение оружия уже существу-

ет!

Чингиз поставил опрокинувшуюся кружку. Вот как полезно вовремя допить пиво. Спросил:

– Ты уверен, что он погиб и в реальном мире?

– Да... знал я его. Встречался пару раз. Совсем ведь пацан еще, семнадцать лет было! Я едва ушел, сразу стал ему звонить – занято. Он по телефонной линии сидел, представляешь? В наше время – по телефону в *глубину* входил!

– Ты уверен? – Голос Чингиза вдруг стал опасно громким.

– Да! Я сразу к нему поехал, роутеры – роутерами, но вдруг отследили парня? А раз оказалась такая охрана – то всего можно ожидать... и визита ментовского тоже...

– Какого дьявола ты втянул в этот хак ребенка? – Чингиз закурил, и я тоже взял сигарету. – Зная, что это ребенок?

– У него опыт взломов был! – огрызнулся Падла. – Ну что, рассказывать дальше или уже все понятно?

– Рассказывай, – сказал я. – Давай.

...Падла приехал к напарнику через десять минут. Тот жил недалеко от дип-кафе, из которого орудовал хакер. Родители паренька его знали и впустили, хотя знакомый сына и не вызывал у них особого восторга.

Парнишка сидел у своего компа. В шлеме и комбинезоне. С руками, мертво вцепившимися в клавиатуру...

– Отследить его не отследили. – Падла мрачно комкал в руке не зажженную папиросу. – Уже шли, но не успели. Я включил горячий выход из *глубины*... только некому было на

огонечки смотреть. Вызвали скорую, но поздно было.

– Как он умер? – спросил я. Было горько. Я представил этого незнакомого юнца слишком реально. Наверное, он так же восторженно смотрел на Падлу, как смотрит Пат... Впрочем, Пат сейчас смотрел себе под ноги. Ковырял ногой пол, то ли пытаясь керамические плитки продырявить, то ли дырку в носке расширить до размеров большого пальца.

– Паскудно он умер, – мрачно отозвался Падла. – Тетанический спазм.

– Тетанический спазм? – удивился Пат. – Это как?

– Тетанический. Это когда все мускулы сжимаются судорогой. Похоже, он задохнулся, просто-напросто задохнулся.

– Может быть, мальчик болел чем-то? – спросил Чингиз. – Эпилепсия, например? А тут волнение, азарт, погоня, перестрелка... Он и не выдержал. Простое совпадение.

– Родители говорили, что здоров был абсолютно. Они мало что говорили... но эти слова мать все повторяла и повторяла.

– Что у него было в логах? – Чингиз явно был не расположен к лирике.

– Не было у меня времени логи смотреть, Чинга. Не до логов тут. Я глянул, что добычи на машине нет, значит, не успел файл перекачать. Нашел у него программку, старую, но верную, «Pure conscience». Запустил и ушел. Родителям сказал, что мы просто общались в *глубине*, когда парень замолчал и перестал двигаться.

– Все равно, Падла. Вовсе не обязательно, что мальчика убили из *глубины*. Сколько уже было случаев – инфаркты, инсульты...

– Убили его. Я чувствую. – Падла взял новую бутылку. – Новая эпоха наступает, Чинга. Фиговая эпоха. Теперь в *глубине* начнут убивать по-настоящему.

– Слышал, Пат? – Чингиз посмотрел на мальчишку. – Твои прогулки в Диптауне кончаются.

– Нет!

– Да. – В голосе Чингиза опять возникла ледяная жесткость. – И не спорь. Завтра у нас снимут оптоволоконно. Просто физически обрежут и унесут. И модемы с компьютеров я сниму. Во избежание недоразумений.

– Я же не хакаю!

– Но мечтаешь этим заняться. И уже пробовал. За мелкие игры с фальшивыми кредитками тебя не убьют, конечно. Но рано или поздно захочется тебе настоящих подвигов... и получишь пулю из *глубины*.

– Ты же за меня отомстишь... – буркнул Пат.

– Я бы предпочел не мстить, – с неожиданной нежностью сказал Чингиз. – Я не люблю ездить на кладбище и класть цветы на могилки.

Он глянул на Падлу:

– А тебе, старый козел, это еще предстоит! Грехи замаливать долго будешь! Ты втянул подростка во взлом! Причем не оценив должным образом возможных трудностей! Решил,

что в мелкой фирме не будет серьезной защиты!

– Да! – рявкнул Падла. – Виноват! Но разве всегда и все можно учесть? Да и мальчишка в *глубине* не первый день! Он два года назад хакал «Аль-Кабар»!

...Тетанический спазм – это, наверное, так?

Когда начинают мелко дрожать руки, ноги костенеют в коленях, челюсти сводит судорогой, и нельзя произнести ни слова?

– Обычный мальчишеский гон, – поморщился Чингиз. – Ты ни разу не слышал, что Пат дружкам втирает?

...Нет, это не так. Я ведь могу дышать, легкие исправно сосут наполненный дымом воздух. Могу смотреть, как плещется пиво в кружке, едва не вылетающей из моей руки. И сердце стучит по-прежнему, пусть заходясь в истерике, но колотится, гоняет кровь, ему наплевать, что оно болит, у него все равно есть своя работа...

– Как его звали? – спросил я. Мне казалось – совершенно нормальным голосом. Но почему-то вся троица вздрогнула.

– Я имен не называю... – начал Падла.

– Ему – скажи! – вдруг резко сказал Чингиз.

– Ромка его звали.

– Он ломал Аль-Кабар, – сказал я. – Два года назад. Ему пятнадцать было, только я об этом не знал.

– Ты кто такой, Леонид? – Падла выпучил глаза.

– Д-дайвер. – Я вдруг стал заикаться. – И Ромка дайвером был. Потом мы стали никем. Я смирился. А он, значит, ха-

кером стать решил...

– Блин, живой дайвер! – выпалил Падла. – В реале! Настоящий! Живой!

Как смешно. Его больше удивляет мое ушедшее прошлое, чем не случившееся будущее Ромки!

Кружкой, еще почти полной пива, перегнувшись через стол и сметая бутылки, я заехал Падле по морде.

И почувствовал, что взлетаю в воздух.

Сила действия равна силе противодействия – этот закон верен лишь для физических объектов. С биологическими сложнее.

Особенно если кулак, приложившийся к моей голове, почти равен ей по размерам.

– Да не сюда, дурак! Это же биде!

Это Чингиз...

– И что с того? Оно же для умывания очень удобно!

Это Падла...

– А если дать уксуса понюхать?

Это Пат...

Ледяная вода. Бутылки «Жигулевского» на дне джакузи.

Вот так кончают слишком наглые дайверы. Их топят в ванне с пивом. Дышать совсем нечем...

Собрав последние силы, я попытался дернуться. И был вынут из воды.

– Живой? – с тревогой спросил Чингиз. – В глазах не дво-

ится?

В джакузи меня засовывал он.

Падла стоял в сторонке. Потирал щеку, на которой я с удовольствием увидел кровоподтек. Одно стеклышко в очках треснуло. И взгляд у него был смущенный.

– Говорить можешь? – с еще большей тревогой спросил Чингиз.

– Д-да... – выдавил я. Челюсть болела, из носа стекала струйка крови. Вода в ванне тоже приобрела нежно-розовый оттенок.

Но говорить я мог.

– Он сам виноват! – с интонациями школьника перед заучем воскликнул Падла. – У меня же рефлексy, блин! Получил – верни!

– Ты убил Ромку... – сказал я. – Ты... хакер хренов...

– Я его не убивал!

– Ты живой. Ромка мер...

Чингиз впихнул меня головой в джакузи так ловко, что я захлебнулся остатком фразы. И тут же вынул.

– Эй, Леня. Не надо так. Если Падла не рвет на себе волос – это не значит, что он рад смерти пацана. Он слишком много смертей видел, понимаешь? А Ромка твой для него был одним из сотен мелких хакеров. Остынь!

– Мне правда очень жаль, – сказал Падла. Снял очки. Взгляд у него стал близоруким и беззащитным. – Дайвер... ты мне влепи сейчас, если хочешь. Я смирю естество!

– Он же сразу к пареньку рванулся, – мягко сказал Чингиз. – И между прочим, позвонил мне по дороге. Сказал, что может потребоваться спрятать одного чайника от розыска. Деньги там, фальшивые документы...

– Не знал я, что эта хрень уже существует. – Падла по-прежнему стоял, ожидая удара. – Оружие третьего поколения... Ты ударь, ударь. Легче станет. Я же знаю.

– Он правда умер? – спросил я. Мне хотелось плакать. Но очень трудно плакать с мокрым лицом.

– Правда.

– Быстро?

– Не думаю, – колебавшись, ответил Падла. – Фиговая была у него смерть, дайвер. Ты прости... но это правда.

Вырвавшись из рук Чингиза, я шагнул к хакеру.

Падла по-детски прикрыл глаза.

Сев на корточки возле роскошного биде, я все-таки заплакал.

Плохо. Правда, плохо. Совсем.

Я слышал, как они выходили из ванной. И долго еще сидел так, всхлипывая, то вытирая слезы, то ощупывая гудящую челюсть, прежде чем моего плеча коснулась рука, и я понял, что все-таки не совсем один.

– Он был твой лучший друг?

– Нет... не знаю... – прошептал я. – Нет, наверное.

Пат присел рядом:

– Ты не плачь, – серьезно сказал он. – Ромка ведь в бою

погиб. В *глубине*. Как настоящий хакер. Значит, он все-таки стал хакером. Хотел им стать и стал.

– Мальчик, погибнуть – не доблесть...

– Знаю. Падла тоже так говорит. И Чинга. Только Ромка ведь знал, что это опасно будет?

– Знал... наверняка... Он совсем не хакер был. Не тот склад ума.

– Но он пошел. Для него это был подвиг. Значит, он рискнул. И победил.

– Проиграл он, малыш. Проиграл.

– Точно?

Я посмотрел на Пата, даже не стесняясь слез. Он слишком долго стоял рядом, слушая, как я реву. Слишком долго, чтобы можно было чего-то стесняться.

– Ты о чем?

– Никто ведь не знал, что это уже есть. Оружие такое. Теперь мы все знаем. Ромка нас как бы предупредил.

Самый обычный пацан на вид. Не заподозришь ни способности сопереживать незнакомым людям, ни умения убеждать.

– Ты в кого такой умный, парень?

– Не знаю, – пожал плечами Пат. – Папа слесарь. Мама штукатур. Дед был учитель, разве только в него.

– Пойдем, – сказал я. Встал, плеснул пару раз в лицо водой из джакузи. Взял несколько бутылок, и мы с Патом пошли на кухню.

Оказывается, не все бутылки с «Жигулевским» я разбил. Часть осталась. Но я все-таки поставил перед Падлой принесенные. Разогретые, но уже остывшие сосиски были сейчас аккуратно разложены по тарелкам – большая часть перед хакером, остальные мне и Чингизу.

– Спасибо, братка. – Падла до сих пор держал очки в руках. Теперь – водрузил на переносицу. Словно в знак того, что не ожидает больше удара. – Не держи зла. Не хотел я беды твоему другу.

– Я и сам виноват не меньше, – сказал я, садясь на прежнее место. Поглядел за окно. Уже темнело. – Чингиз...

– Никаких проблем, – тот развел руками. – Оставайся. Я бы тоже не рискнул появиться дома в таком виде.

– Ну рефлексы... – сдирая крышку с бутылки, вымолвил Падла. – Я уже и к психотерапевту ходил... отучи, говорю, бить в морду не думая...

– Не смог? – спросил я, массируя челюсть.

– Сказал, что это невозможно... я и не сдержался, – буркнул Падла. – Ты-то в чем виноват?

– Я Ромку знал только виртуально, – сказал я. Словно прыгая в холодную воду. – Когда дайверство исчезло как профессия... все мы растерялись. Ему было очень трудно, пожалуй. Он, пацан, уже привык содержать семью, понимаешь? Ну и сам, конечно... водить девочек в бары, хорошо одеваться, оплачивать дорогой лицей... в обычной школе ему делать было нечего.

– Он просил тебя помочь? – Падла нахмурился.

– Да. Не деньгами, конечно. Он просто искал, чем заняться в *глубине*, не мог уже без нее жить. Способностей к математике у него не было. Дайвер – отличный, от Бога. Хакер... хакер фиговый. Хотел заняться дизайном, и тут я мог бы ему помочь.

– И что? – спросил Чингиз.

– Я на тормозах все спустил. Некогда мне было ему помогать. Решил, что вполне проживет пацан без виртуальности, еще здоровее будет. А он уже не мог прожить, значит. Хоть и дайвер.

– Никто из нас не может... – Чингиз поднялся, отошел, открыл холодильник под стойкой бара. Вернулся с бутылкой водки. Пат, не ожидая просьбы, притащил два пакета с соком.

– Правильно, – сказал Падла. Отставил пиво.

Я помолчал, глядя, как Чингиз разливает по крупным, граммов на сто, рюмкам дорогую датскую водку. Пат молча налил всем сока.

– Тебе плеснуть? – спросил мальчишку Чингиз.

– Да. Так ведь положено?

Нормального тинэйджерского энтузиазма от легальной выпивки Пат не проявлял. Или очень хорошо сделал вид, что это ему не нужно.

Мы подняли рюмки, Пат, присевший у стола на корточках, потянулся было чокнуться, с явным проблеском энту-

зиязма, но вовремя спохватился и, ойкнув, убрал руку.

– За хакера Романа, умершего как положено хакеру, – сказал Падла. Посмотрел на меня.

– За дайвера Ромку, который остался дайвером, – сказал я.

– За человека, который ушел, – коротко сказал Чингиз.

– Пусть *глубина* к нему будет доброй. – Пат неуверенно посмотрел на Падлу, потом – на меня.

Я кивнул.

Мы выпили.

– Нельзя прожить жизнь за другого человека, – сказал Чингиз. – Леонид, не убивайся.

– Прожить-то можно, ясен пень, – буркнул Падла. Занюхал рюмку рукавом халата. – Только это значит украсть у него жизнь, а что в этом хорошего?

Я промолчал. Они оба правы. Только где-то есть еще одна правда. Что каждый друг, умер ли он в *глубине* или по-настоящему, – это твоя вина.

– Похороны завтра, – неожиданно сказал Падла. – Леонид, ты пойдешь?

Я покачал головой.

– Нет.

– Чего так? – спросил Падла.

– Я его знал лишь в *глубине*. Он там – живой. До сих пор. Пусть даже *глубина* его и убила...

Чингиз пристально посмотрел на меня:

– Ой ли? Не виртуальность нажимала на спуск. Ей нажимать нечем. Леонид... подумай о такой штуке... твоего друга убили из оружия, существование которого прежде считалось немыслимым.

– Да. Пат уже это говорил.

– Пат – умница, конечно. А второй шаг ты сделал?

Я недоуменно посмотрел на него.

– Леонид, если ты подойдешь к маленькому офису на окраине Москвы... ну, с целью поживиться канцелярскими скрепками и спереть обмылок в туалете... а охрана наставит на тебя лазерные пистолеты. Что ты подумаешь?

Он был очень серьезен.

И я вдруг почувствовал дрожь. Стадо пьяных мурашек, пробежавших по коже. Словно открыл дверцу шкафа и обнаружил в своем единственном приличном костюме скелет.

– Это были очень серьезные файлы... – сказал я. – Настолько серьезные, что, помимо привлечения для охраны лучшей фирмы виртуального оружия, были использованы какие-то уж совсем секретные разработки. Военные... правительственные...

– Или корпоративные, – мягко поправил Чингиз. – Все-таки способность к сохранению тайны куда выше у нормальной, жесткой, ориентированной на прибыль корпорации. Всякие ЦРУ и ГРУ идут следом.

– Что может быть серьезнее такого оружия, Чингиз? Это само по себе – взрыв невиданной силы. Изменение всего об-

щественного отношения к компьютерам, к *глубине*! Что может быть более важно?

Чингиз и Падла переглянулись.

– Это тебе выяснять, дайвер, – хмуро сказал Падла.

– Почему это вдруг?

– Да потому, что я от тех пуль случайно ушел! – уже не пытаясь отослать Пата и сохранить лицо, рывкнул Падла. – Только потому и ушел, что по старой дурной привычке таймер выставил на плюс пять минут с начала взлома! А иначе – пустил бы кровавые слюны из прокушенного языка...

Он замолчал, но слишком поздно. Я понял, что он увидел, стащив с Ромки виртуальный шлем.

– Я же ничего не могу, – сказал я. Обвел взглядом их всех – нового русского хакера, панкующего хакера и мальчика, мечтающего стать хакером. – Ребята... ну вы же все понимаете прекрасно! В чем была наша сила и чем она обернулась! Ребята, я же не смогу вскрыть простейшую защиту!

– Я не знаю, что ты реально можешь, – сказал Чингиз. – Вот только выйти из *глубины*, увидав, что пахнет жареным, – должен суметь. А Тоха не сумеет. И я не сумею.

– Вам вообще теперь лучше не соваться туда. Чингиз, я понимаю, ты человек серьезный, но...

– Пат не войдет больше в *глубину*, – спокойно сказал Чингиз. – Все входы перекрою. Кроме своей машины, но ее он не тронет... *ведь верно?*

– А я отсюда, кроме как по кабакам и девкам, все равно

не хожу. — Падла ухмыльнулся. — Где живу, там не гажу! Да и не запустит он мой ноут...

— Нечестно! — В голосе Пата слышались слезы.

— Посмотри на Леонида. И спроси его мнение.

Чингиз снова потянулся за бутылкой. Я, взглядом спросив разрешения, взял со стола его телефон.

— Ты это, главное, на занятость и денежный интерес дави! — посоветовал Падла. — Мол, контракт офигительный, деньги сами с неба сыпятся... Что-нибудь такое, женщины это...

— Вика?

— Леня? — В ее голосе было искреннее удивление. — Ты где?

— Да вот, к друзьям одним зашел. Попили пива, потом водки выпили... как ты отнесешься, если приду очень поздно? Может быть, даже заночую.

Мне хотелось сказать ей про Ромку. Мне надо было сейчас выкричаться, рассказать все это. Тем более она Ромку знала.

Но я смолчал. Я — не один. Мне есть с кем выматериться, кому выплакаться, с кем выпить водки.

Снова — есть с кем. Как-то неожиданно легко и быстро.

А ей — нет.

И ошарашивать ее по телефону произошедшим нельзя.

— Да позови ты ее... — предложил Чингиз.

— Конечно, посиди, если что, так заночуй... — сказала Вика. С неуверенностью и растерянностью. — А по голосу ты не пьян... Если будешь возвращаться поздно, открой дверь сам

и не шуми...

– Наверное, вернусь под утро, – сказал я. – Так что любовников не зови, конфуз выйдет. Слушай... может быть, ты тоже подъедешь? Интересный дом... интересные люди.

Я буквально почувствовал, как она колеблется. Мы не выбирались никуда вместе уже чертову уйму времени. В *глубину* Вика ходить перестала, а в реальности... в реальности у нас оказались слишком разные интересы.

– Знаешь, я наверное, не соберусь. Поздно уже. Не пей слишком много, ладно?

– Конечно.

– Отдыхай. Я правда рада, что ты куда-то выбрался.

Когда я положил трубку, то поймал восхищенный взгляд Падлы.

– Нет, слушай, где ты взял жену, которой можно сказать, что решил выпить пива и водки с друзьями?

– В *глубине*.

Падла мрачно кивнул.

– Да... Бывает. Я тоже однажды такую там встретил... А потом оказалось, что ей сорок лет, и она – мужчина, глава клуба мазохистов...

– Падла, ты можешь что-нибудь выяснить у своего нанимателя? У этого... дайвера.

Хакер дернул плечами.

– Вот уж вряд ли. Деньги он перевел сразу и очень профессионально. А встреча была назначена лишь при успехе

операции.

– Ты все равно сходи.

– Схожу, ясен перец. Но удачи не жди. Что имеем, от того и пляшем – компания «New boundaries» с ее хитрой охраной.

– Он знал, – сказал я. – Наверняка знал, что дело нечисто...

– Что с того?

– У нас это не принято... было не принято. Подставлять привлеченных сотрудников. Как он выглядел, этот дайвер?

– Мы три раза встречались. Первый раз – тощий паренек-очкарик, наивный такой, растерянный... лицо европеоидного типа. Нестандартный, но и не слишком хорошо сработанный. Второй раз – роскошная блондинка, штучная работа «от кутюр». Третий раз – пожилой, усталый, чем-то озабоченный...

– Понятно. Хоть какие-то общие детали в облике сохранил?

– Европейец. Все три раза. – Падла подумал. – Нет, больше ничего особенного.

– А проследить ты его не смог?

– Он пользовался старой защитой, Леонид. Где-то полуторалетней давности. Но очень качественной и отлаженной. Я не рискнул отслеживать слишком уж рьяно, у него в кармане могла оказаться пара запасных тузов.

– Ну что, остаешься? – спросил Чингиз. – Постель найдем, не сомневайся.

– Наша постель – коврик от компьютерной мыши! – рявкнул Падла и захохотал. – Давай, дайвер. Оставайся.

Я посмотрел на DVD-диск на столе.

– Нет... наверное, я все-таки поеду домой. Пока метро еще ходит.

– Очнись, метро еще три часа будет ходить, – глянув на часы, отрезал Чингиз. – А вообще-то я тебя сам отвезу.

– Ты же пьяный! – вскинулся Пат.

– Хорошо, я посижу, но доеду на метро... – сдался я.

Чингиз молча подвинул ко мне рюмку.

Туман.

Серая мгла.

Снова нет ни направлений, ни расстояний. Бреду сквозь
сходящиеся молочные пласты. Чем-то пахнет... то ли свежим
бельем, занесенным с мороза, то ли отшумевшей грозой...

Оглядываюсь – ни огонька, ни проблеска.

Ведь он же был... я помню, он был...

Где-то там, за нитяным мостом, там, где сходятся стены
огня и льда...

Я не выбираю направления. Почему-то я уверен, что куда
ни иди, куда ни беги, рано или поздно впереди вспыхнет свет
– и встанут из тумана мерцающие стены: алый огонь, синий
лед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.